

18+

Аркадий Марьин

ПУСТОЕ

Аркадий Марьин

Пустое

<https://litres.ru/74153784>

ISBN 9785007020428

Аннотация

Маркус любит свою службу. Но в один из дней оказывается, что служба не просто не любит его, а настроена враждебно, подкидывая дело со смертоносными щупальцами монстра. Самостоятельно разобраться с происшествием Маркус не может. Ему готова помочь Брана, невидимая помощница с приятным голосом и заботливым характером, а за ней помощник из научной среды. Начинается расследование, порождающее всё больше вопросов, ответить на которые возможно лишь отправившись в опасную, но необходимую экспедицию.

Содержание

Часть первая. Артефакт	5
1	5
2	19
3	29
4	38
5	51
6	63
7	74
8	87
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Пустое

Аркадий Марьин

© Аркадий Марьин, 2026

ISBN 978-5-0070-2042-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Артефакт

1

Комната дознания выглядела стандартно. В каждом районе мегаполиса таких было по одной-две штуки: яркий дневной свет из прямоугольного светильника на стене в форме небольшого окна, такого же размера стол с информационной медианелью внутри, два стула с двух сторон и единственная дверь, через которую можно было сначала зайти, а потом выйти в общий коридор. Скрытые микрофоны и пара незаметных камер вели запись. Брана — Высоко Интеллектуализированный Помощник, находящийся под юрисдикцией Конституционного Следственного Комитета, — наблюдала за происходящим и анализировала дознаваемого, а затем при необходимости выдавала сгенерированную информацию, если этого требовал дознаватель.

Факт нарушения федерального закона о запрете несанкционированного прерывания беременности сомнений не вызывал. Преступник сидел за столом и безразлично глядел перед собой, не испытывая ни малейших угрызений совести. Он не пытался оправдываться, плести нелепые истории о шантаже или обмане со стороны третьих лиц. Всё выглядело достаточно прозрачно. Но вот мотив, которому следовал

преступник, никак не вырисовывался.

Что подтолкнуло этого безумца на нарушение закона?

Ещё раз пробежав глазами по строчкам личных данных мужчины, сидящего перед ним, Маркус Гуссен поднял взгляд и спросил:

— Почему же вы не хотите рассказать о причине, из-за которой пошли на такое тяжкое преступление? Должен же быть какой-то мотив?

— Я ещё раз повторяю: это моё личное дело. Вам всё равно не понять того, что я пережил. — Парис Поляков отвечал уверенно, с лёгкой злостью в голосе.

— Что же вы пережили? — Маркус удивлённо приподнял бровь, небрежно откидываясь на спинку алюминиевого стула и поправляя полы серого пиджака. Дознаватель снова перевёл взгляд на информационную панель прозрачного стола. — От вас год назад ушла жена. Это вы хотите назвать жизненным потрясением? Так, что ли?

— Вы ничего не знаете...

— А вы прервали беременность у молодой женщины и чуть не убили её, серьёзно искалечив. Вот что я знаю точно, — жёстко перебил Маркус.

— Это не я, — тут же ответил Поляков.

— Пытаетесь изобразить психа? — предположил дознаватель. — Не выйдет.

Дознаваемый усмехнулся:

— С чего вы взяли, что я буду играть роль психически

больного? Не хотите мне верить — это ваше личное дело.

— Это не моё личное дело, — парировал Маркус. — Я — дознаватель Конституционного Следственного Комитета. И то, что вы совершили, выходит за рамки обычного уголовного дела.

— Вам виднее, — фыркнул Поляков, явно не желая сдавать позиций.

Маркус медленно выдохнул, снова поправил полы пиджака, поставил локти на столешницу и, кивнув на информацию о Полякове, продолжил с профессиональным спокойствием:

— Давайте начнём с самого начала.

— Давайте, — безучастно согласился Парис.

— Итак. — Маркус пристально глядел в глаза дознаваемого. — Брана, пожалуйста, озвучь ещё раз причину задержания этого гражданина Азиатско-Европейского Союза. Какое ему вменяется обвинение?

— Хорошо, — в комнате зазвучал женский голос, — Парис Поляков, 46 лет, гражданин АЕС с рождения.

— Брана, — перебил Маркус, — все данные повторять не нужно. Сразу с факта нарушения законодательства.

— Хорошо, — в прежней тональности продолжила Брана. — По имеющимся данным с видеочамер городской надзорной службы и видеонаблюдения внутри квартиры Полякова П. О. можно с уверенностью утверждать о незаконном проведении как минимум семнадцати прерываний беременности. Все личности женщин идентифицированы, и в ско-

ром времени будут проведены дознания со всеми, кто напрямую или косвенно связан с данным преступлением. Как именно проводились аборты и насколько профессионально с медицинской точки зрения, установить на данный момент невозможно, так как место проведения операций было всегда скрыто тканевой ширмой. Поляков точно знал о расположении камер в его квартире и принял меры по укрытию фактов нарушения закона. Это позволило длительное время незаметно для надзорных служб проводить аборты. Незаконная практика Полякова могла продлиться и дальше, если бы не инцидент с последней пациенткой, видимо, по чистой случайности не переросший в трагедию с летальным финалом. Каким способом Поляков избавлялся от биологического материала, то есть мёртвых эмбрионов, пока установить не удалось. Дознаваемый не даёт дополнительной доказательной информации, а следов, оставленных после извлечения, не обнаружено. Передача биоматериала третьим лицам не установлена. Дознание находится в тупике. Конец сообщения.

— Покажи изображения всех женщин, прошедших операции.

Над столешницей возникла проекция чередующихся изображений семнадцати женских лиц.

— Оставь последнюю.

Брана послушно выполнила приказ.

Миловидное личико, тёмно-русые вьющиеся волосы, ка-

рие глаза с хитринкой. Возраст женщины угадать было сложно. Возможности современной косметологии иногда превосходили даже самые смелые ожидания. И, словно уловив мысли Маркуса, Брана выдала информацию:

— Жаннет Ганич, сорок шесть лет, пятый брак, детей нет.

Парис хмыкнул и едко добавил:

— Ты, умная, лучше скажи, сколько у неё было санкционированных прерываний беременности? Сколько раз эта бедняга планировала стать матерью?

Зависшее молчание явно говорило о том, что ВИП не торопится выдавать ответ на вопрос дознаваемого. Только с разрешения дознавателя.

— Ладно, Брана, — кивнул Маркус, — скажи нам, сколько было санкционированных.

Ответ прозвучал сразу же:

— Восемь санкционированных прерываний беременности, по два на каждый из предыдущих браков. Медицинские показатели плодов указывали на необратимые генетические мутации без возможности коррекции клеточного формирования. Все восемь эмбрионов оказались бы в дальнейшем либо нежизнеспособными, либо генетическими уродами. Исходя из статьи шестьдесят семь, пункт пятнадцать, законодательного...

— Дальше можешь не продолжать, — перебил Маркус. Он глядел пристально на Париса. — И что? Этой планетарной проблеме больше ста лет. Мы движемся к демографиче-

ской катастрофе. Здоровых детей рождается всё меньше и меньше. Каждый ребёнок, появившийся на свет без генетических отклонений, словно подарок небес. Ещё один лучик надежды. Поэтому и запрещены на конституционном уровне любые тайные операции по прерыванию беременности. Исключительно в клинических условиях можно без труда определить состояние эмбриона и при необходимости попробовать корректировать его генетическое развитие. И даже если женщина готова отказаться от здорового малыша, государство с радостью примет его на содержание и воспитание, обеспечив всем необходимым. Каким боком это может относиться к Жаннет Ганич?

— Как у вас всё просто. Забота государства, беспокойство о будущем человечества. — Парис постепенно начал проявлять признаки злорадства. Глаза блестели. — А о психологическом состоянии тех женщин, которые не способны, по их мнению, иметь здоровых детей, вы подумали?

— Я дознаватель, а не медик, — спокойно ответил Маркус.

— Ну а она? — Парис качнул подбородком в пространство комнаты. — Ваша гениальная помощница, мегамозг на квантофатонных углах, разве не подсказала вам?

— На квантофатонных узлах, — неожиданно поправила Брана.

Поляков привычно фыркнул и махнул рукой, дескать, какая разница.

— Брана, что у нас с психологической поддержкой бездетных женщин? — тут же спросил Маркус, понимая, что ответ больше нужен Полякову.

Помощница ответила моментально:

— Все женщины, нуждающиеся в психологической поддержке, имеют возможность получить бесплатную консультацию психолога в удобное им время один раз в неделю по месту регистрации. Конец сообщения.

— По-моему, никаких проблем, — развёл в стороны руки Маркус. — Подозреваю, что вы другого мнения. И я повторю: какое это имеет отношение к нарушению вами конституционного законодательства?

— Ладно, — Поляков изобразил на лице усталость, — я всё расскажу. И мне плевать, поверите вы или нет. Потом делайте, что хотите.

— Так будет лучше для всех, уверяю, — сказал Маркус. — Слушаем.

Дознаватель всегда был уверен, что ни одно слово дознаваемого не канет в Лету. Брана фиксировала и сохраняла всё, вплоть до еле уловимых изменений в мимике.

— Иногда кажется, что кто-то разыгрывает лотерею, чтобы увидеть, как женщина будет переживать, надеяться, верить до последнего в свою мизерную удачу попасть в те двенадцать процентов, способных родить хотя бы одного здорового ребёнка. За первым волнительным ожиданием приходит первое разочарование. Затем страх и неуверенность.

Вторая неудача заставляет думать, что она неполноценна. И редко кто испытывает судьбу в третий, четвёртый или тем более пятый раз. Рушатся все иллюзии, розовые мечты, надежды на нормальную, полную семью. Конечно, можно обратиться к услуге инкубационного зачатия, но даже в этом случае ребёнок не будет на сто процентов вашим, да и вероятность удачного оплодотворения и нормального развития плода гораздо ниже пятидесяти процентов. Неутешительная статистика. Ваша помощница может подтвердить. — Парис повторил жест подбородком.

Маркус взмахнул рукой:

— Эту статистику я и сам хорошо знаю. Продолжайте.

Дознаваемому всегда нужно дать возможность выговориться. Куда-нибудь да выведут его излишняя.

— А вы знали, что если мужчина хочет иметь детей, то собственных, родных. Не многие способны заботиться о ком-то, кого достали из пробирки. Зов крови, если вы слышали про такое.

— Да, конечно, — ответил Маркус, — атавизм психики пещерного человека.

— Ну, значит, не далеко мы ушли.

Спорить не хотелось. Процессу дознания это никак бы не помогло. Маркус промолчал, сдерживая эмоции.

— Какие-то семьи продолжают жить без детей, изображая счастливое безразличие, отдавая себя искусству, спорту или науке. Другие всё же решаются на искусственного человечка.

А какие-то семьи медленно тают, словно айсберги, заплывшие в тёплые океанические течения, но всё равно в итоге гибнут. Как это у нас называется — нестабильность института семьи? Я не ошибаюсь?

Маркус лишь кивнул.

— А теперь представьте, что женщина устала быть разменной монетой. Она пытается всеми силами удержать мужчину, сохранить зыбкий брак после нескольких неудачных беременностей. А если женщина ещё и влюблена в своего мужа, то её состояние можно сравнить с отчаяньем и решительностью в одном сосуде. Прогрессирующая имплазивность на грани истерики. Тихая агрессивная паника, если можно так выразиться.

— Какие глубокие познания в психологии, — не удержался от замечания Маркус.

— Исхожу исключительно из собственных наблюдений, — спокойно согласился Парис. — Так вот именно такие, — продолжил он, — и ищут выход из неприятной ситуации любыми доступными способами.

Зависла непонятная для Маркуса пауза, словно Поляков ждал, когда дознаватель продолжит за него объяснение.

Ну что же, он решил рискнуть:

— И поэтому женщины шли на несанкционированный аборт. Я правильно понял?

— Да, — Парис медленно опустил голову, приблизив лицо так близко к столешнице, будто пытался разглядеть мик-

робов.

— Но зачем? — Маркус мотнул головой. — Все знают, что это преступление.

— Затем, чтобы удержать любимого мужчину. Хоть на какое-то время, цепляясь за надежду, что сможет дать ему здоровое потомство — сына или дочь. Да и сама часто верит, что уж в следующий раз непременно всё сложится и гены выстроятся в нужном порядке, и цепочка ДНК прокричит радостно: «У меня всё о'кей, все связи в порядке, — рожаем долгожданного карапуза!». А пока избавляемся от балласта и врём мужу, что беременность оказалась ошибочной. — Парис картинно развёл руки в стороны, явно передразнивая Маркуса. — Я всего лишь помогал скрывать частную тайну.

— Такое сокрытие тайны преследуется по закону.

Парис лишь дёрнул плечами и добавил:

— Вам не понять.

— Куда уж мне. — Маркус вновь перевёл взгляд на столешницу. — Но вот кое-что мне понятно даже без подсказок Браны.

— Хоть в чём-то вы её умнее, — съязвил дознаваемый.

— Брана, дай-ка изображение жены последнего брака Париса Полякова.

— Хорошо, — отозвался голос, и появилось лицо темно-волосой улыбающейся женщины с тонким носом, голубыми глазами и чётко очерченным контуром розовых губ.

В глазах Париса появилась щемящая печаль, брови опу-

стились, а пальцы сжались в кулаки.

— Она ушла от вас. Сама. И вы не пытались её остановить. Так?

— Я не смог бы, — признался Поляков. — Она пережила жуткую психологическую травму.

— Ни одного из плодов не удалось выносить до конца.

— Нет, — Поляков опустил глаза. — У всех были генетические дефекты. Кроме последнего.

— Она потеряла его?

— Не по своей воле.

— Кто-то ей помог? — удивился Маркус. — Но ведь плод был здоров. Данные медицинского информационного кластера не могут лгать.

Парис медленно поднял лицо, и Маркус увидел, как по щекам того текут слёзы.

— Это случилось из-за этого устройства. — В сдавленном голосе слышалась хрипотца. — Что-то в нём сработало и забрало нашего ребёнка. Мы ничего не смогли сделать. Я не мог сделать. А Афина словно оказалась под гипнозом. Ничего толком не помнила. Я заметил только в самый последний момент, когда уже было поздно что-то изменить. Я только увидел, как наша неродившаяся крошка переместилась в тот самый металлический цилиндр. И всё. Темнота, пустота, ничего. Словно в кошмарном сне, только мы так и не смогли проснуться. Теперь это с нами навсегда.

Поляков замолк, а слёзы продолжали ползти по его ще-

кам. Воспоминание, похоже, его надломило.

— То есть как переместилась? — не понял Маркус.

По-детски проведя ладошками по щекам, размазывая слёзы, Парис сказал:

— По воздуху, как по прозрачному тоннелю. Я кинулся к этому цилиндру, схватил, начал трясти, заглядывать вовнутрь. А он пустой, ничего в нём нет. И темнота плотная, еле дно различимо. Я у Афины спрашиваю, помнит ли она хоть что-то. А у неё глаза круглые, будто в дымке, и шёпотом повторяет по кругу: «Где мой ребёнок? Кто-то забрал моего ребёнка...». В общем, поломалось в ней что-то тогда. Целый месяц молчала.

Прищурившись и слегка наклонив голову вбок, Маркус решил уточнить:

— Я правильно понимаю, что речь идёт о том цилиндрическом предмете, обнаруженном при досмотре вашей квартиры? Мы предположили, что вы им пользовались как биоутилизатором, хоть и не было обнаружено никаких признаков использования. Сейчас цилиндр на исследовании. Если будут обнаружены хотя бы микроскопические частицы, оставшиеся после операций, вам точно деваться будет некуда. Пожизненное обеспечено.

Неожиданно в совершенно необъяснимом порыве Парис резко ударил ладонью по столу и в тот же момент, когда изображение его жены растаяло в воздухе, крикнул:

— Заладил как попугай: преступление, преступление, на-

рушение закона. А я им давал второй, третий, четвёртый шанс. Этот цилиндр обитаем, он не пустой. Живущее внутри божество или мифический дух каждый раз принимал плод женщины так аккуратно, что любая хирургическая автономная станция позавидовала бы.

— Кто же тогда покалечил вашу последнюю пациентку? Дух сошёл с ума и захотел крови?

На информационной медиане высветилось сообщение под таким ракурсом, чтобы его прочитать мог только Маркус: «Дознаваемый крайне раздражён, на грани психологического срыва. Рекомендовано прекратить дознание».

— Чёрт бы вас побрал, — хриплым голосом рявкнул Парис, — что-то пошло не так. Я не знаю что. Не знаю, слышите!

— Достаточно, — как можно спокойнее сказал Маркус. — Вы рассказали всё, что могли или хотели рассказать. Теперь вашим делом займётся судебный отдел Конституционного Следственного Комитета. Моя миссия дознавателя на этом закончена.

Маркус поднялся из-за стола, поглядел сверху на Париса, который, понуриив голову и опустив плечи, теперь был похож на выброшенную на свалку старую мягкую игрушку.

— Теперь мне всё равно, — глухо сказал дознаваемый, переходящий в статус подсудимого.

Дознаватель сделал вид, будто не расслышал ноток отчаянья:

— Через три-четыре дня материалы вашего дела будут рассмотрены с привлечением континентальной аналитической системы, и в рамках Конституционного Закона Азиатско-Европейского Союза Брана озвучит итоговый вердикт. Обжаловать его вы не сможете, Парис, преступление слишком серьёзное. Вам понятны выдвинутые обвинения и процедура проведения расследования и вынесения вердикта?

Дознаваемый молчал.

— Парис Поляков, вам всё понятно? — с нажимом в голосе, громко спросил Маркус.

— Да. Понятно.

— Вот и хорошо. Брана, оформляй завершение дознания, все материалы передавай в комитет, я закончил.

— Вы сегодня ещё не обедали, — раздался в ответ голос Браны.

— Да-да, спасибо, — на ходу бросил Маркус уже у двери комнаты дознания.

Неслышно сработал механизм замка. Дверь услужливо распахнулась, выпуская дознавателя, и так же плавно закрылась.

За столом, застыв в мучительной позе, остался сидеть Парис Поляков, погружённый в пронзительное одиночество. Он оказался один на один с холодной и безжалостной стеной Конституционного Закона.

Во времена так называемой зари освоения космоса, когда летательные аппараты могли выходить лишь на околоземную орбиту, возник непродолжительный спор: видны ли звёзды там, в безвоздушном пространстве? Причиной спора послужило несовершенство фотофиксирующих устройств, чувствительность которых не позволяла рассмотреть на снимках мелкие светящиеся точки в черноте космического пространства. Тем более если рядом находился достаточно крупный объект, отражающий свет Солнца. А вот человеческий глаз, в отличие от линз и матриц фотоаппарата, видел всё.

В данный момент Жюли смотрела в иллюминатор, обращённый в противоположную сторону от Юпитера, и любовалась россыпью далёких сияющих бриллиантов. Она помнила, что когда смотришь на звёзды с поверхности Земли, замечаешь мерцание, создаваемое потоками воздуха в атмосфере. Здесь воздух отсутствовал, а тот, что отделял её от иллюминатора, был не в счёт. Звёзды горели ровно, будто шляпки алмазных гвоздиков, удерживающих темноту всей Вселенной на одном месте.

— Не надоело? — послышалось за спиной.

Жюли обернулась и увидела ухмыляющееся лицо Юсуфа.

— Мне звёзды не надоедают, — мотнула головой девуш-

ка.

— Да ладно, — Юсуф приблизился вплотную, зависнув от Жюли в каких-то сантиметрах, — не первый день в космосе. Это всего лишь работа.

Девушка положила на грудь мужчины ладонь, явно стараясь сохранить дистанцию:

— Мы все разные, Юсуф.

— Спорить не буду, — мужчина поднял руки вверх, в шутку изображая капитуляцию. — Для меня это всего лишь далёкие холодные точки.

Бездонные чёрные глаза Юсуфа блеснули хитринкой. Он тряхнул курчавой головой с угольно-чёрными волосами и, развернувшись на месте при помощи отработанного в невосомости кульбита, вернулся к пульту наблюдения и управления челноком.

Белобрысая и голубоглазая Жюли, по привычке поправив на затылке собранные в короткий хвостик волосы, оттолкнулась ногой от стенки и через секунду оказалась рядом с Юсуфом.

— Сколько принимаем?

— Три контейнерные капсулы на подходе, — ответил Юсуф, тыкая пальцем в изображение над пультом.

— Третий отмечен по-другому, — повела головой Жюли. — В нём что?

— Какой-то артефакт, — Юсуф пожал плечами.

— Артефакт? — удивилась девушка. — С поверхности

Европы?

— Откуда именно, в сопроводилровке не указано. Просто — артефакт.

Навигационный компьютер высчитал траектории движения капсул, запущенных с поверхности спутника Юпитера, и направил челнок к месту более удобного захвата. Все манипуляции необходимо было выполнить как можно быстрее, чтобы лишний раз не сверкать на фоне ледяной Европы. На орбитальной станции спутника запросто могли заподозрить челнок Юсуфа в том, что не такой уж он и туристический.

Говоря напрямую, туристические челноки не занимаются контрабандой грузов, нелегально закидываемых на орбиту Европы.

Механические манипуляторы выверенно и чётко захватывали капсулы одну за другой и складывали во внутренний грузовой отсек через аварийный стыковочный люк. Юсуф и Жюли молча наблюдали за происходящим, отображающимся в объёмном изображении над панелью управления. Сейчас болтать было не о чем. Присутствовало лёгкое напряжение, так как Юсуфу очень не хотелось бы в эти секунды получить неожиданный запрос от патрульной станции о подозрительных действиях на орбите: что за контейнерные капсулы их челнок принимает на борт с такой подозрительной поспешностью?

Наконец запорная створка аварийного люка приняла привычное место, погрузка завершилась без сюрпризов.

Повернув лицо к Жюли, Юсуф подмигнул:

— И вот мы обычные туристы, восхищающиеся ледяной поверхностью загадочной Европы.

— В этот раз давай без нахального пролёта мимо патрульной станции, — попросила Жули.

— Да они там вечно спят, — изображая из себя бесстрашного супергероя, хмыкнул Юсуф.

— Но Страж станции никогда не спит, — возразила девушка, имея в виду Высоко Интеллектуализированного Помощника, следящего за логистикой любых космических аппаратов, подлетающих и отлетающих от Европы.

— Программа и оборудование ужасно древние. Этот Страж был одним из первых, разработанных для космических транспортных компаний. Нейромхом, наверное, уже покрылся.

Собственная шутка Юсуфу показалась удачной, и он расплылся в довольной улыбке.

— И всё-таки, — не отступала Жюли, — давай без лишних выкрутасов.

— Расслабься, мышка, — ответил Юсуф, — в прошлый раз очень хотелось показать, кто есть кто.

— Ясно, — Жюли улыбнулась. — Значит, домой?

— Ну конечно. Мы здесь все дела сделали. Сдаём товар на лунную базу, получаем вознаграждение, и на недельный отдых.

— На Ново-Аравийские острова?

— Как я и обещал, мышка.

Юсуф притянул рукой к себе Жюли, обнял за плечо и, задав на панели курс полёта, привычным жестом отключил камеры.

— Нет голосового управления, нет ВИПа, камеры внутреннего наблюдения и записи я отключил. Лететь десять суток. Быть может, развлечёмся немного?

Девушка нисколько не удивилась предложению. Напротив, прижалась к мужчине ещё сильнее и прислонила голову к его плечу:

— А мы возьмём из контейнера немного счастливичков?

Развернув девушку к себе лицом, Юсуф прищурил глаза и заговорщически сказал:

— Ах ты маленькая хитрая мышка! Любишь развлекаться с приятными добавками? Понравились в прошлый раз?

— Да, очень, мой дикий-дикий кот, — с шутливой страстью ответила Жюли, — хочу ещё, так же.

— Ну хорошо. Ради нашего общего с тобой счастья придётся ещё разок аккуратно снять пломбу, — согласно кивнул Юсуф. — Пропажу одного десятка из нескольких десятков тысяч вряд ли заметят.

— Класс! — Жюли обвила руками шею Юсуфа. — Когда начнём?

— Немного отлетим от Юпитера, слегка перекусим и можно начинать. На голодный желудок со счастливичками лучше не контактировать, иначе три дня будешь отходить.

— Не вопрос, перекусим.

Жюли закружилась в ограниченном пространстве возле пульта, демонстрируя своё приподнятое настроение.

Неожиданно она перестала вращаться, направила на Юсуфа серьёзный взгляд и спросила:

— Слушай, а давай посмотрим, что там за артефакт?

— Ты серьёзно? — нахмурился Юсуф.

— Ну ведь интересно, — понизила голос Жюли. — А вдруг там череп доисторического ящера, который плавал подо льдом в океане Европы? — И через паузу добавила более вкрадчиво: — Или точно такие же плавают до сих пор...

Несколько секунд Юсуф смотрел немигающим взглядом на Жюли. И вдруг разразился раскатистым хохотом:

— Ох уж мне это твоё технико-историческое образование!

Жюли слегка смутилась:

— А что такого-то?

— То звёзд в космосе люди не видели, то драконы на спутнике Юпитера плавают. Вот ведь у тебя фантазия, мышка. — Юсуф резко принял серьёзный вид. — А может, это голова того самого неуловимого подводного монстра, которого так долго выслеживали в каком-то пресном озере в горах?

Девушка недоверчиво поглядела на мужчину. Шутит или серьёзно?

— Как он под лёд Европы-то попал?

— А он телепортироваться умеет. Век на Земле поплава-

ет, век на Европе. Развлекается как может. — И снова Юсуф громко засмеялся.

— Да ну тебя. Боишься контейнер вскрывать, так и скажи, — Жюли почти разозлилась. — Корчит из себя заводилу-шутника мелкосортного медиашоу.

Не без усилия подавив последние всплески смеха, Юсуф с примирительной ноткой в голосе сказал:

— Да пойми ты, мышка, мы ведь с тобой типа туристы, прилетающие посмотреть на Европу. Нам сопроводительной информации о грузе не предоставляют, потому что груз этот официально не учтённый, нигде не зарегистрированный. И всё, что мы берём на борт челнока, называется контрабандой. Откуда достали этот артефакт — неизвестно. Если из толщи льда, то, возможно, он безопасен. А если нашли на поверхности, то, вероятнее всего, он должен адски фонить. Юпитер прожаривает своей жёсткой радиацией всё вокруг. Не будь у нашего кораблика достаточной твёрдоплазменной защиты, то и нас с тобой давно бы испёк.

— А счастливичиков достают из океана. Я поняла, — вздохнула Жюли.

— Да, — кивнул Юсуф, — и упаковывают их на защищённой надлёдной ферме. Иначе бы они гибли, как и те, которые оказываются на поверхности, выброшенные через трещины гейзерами.

У обоих промелькнула в памяти картинка ледяного панциря Европы, исчерченного тёмно-коричневыми неровными

полосами, словно бесконечными реками или складками старой, морщинистой кожи.

— Да, на поверхности их огромное количество, — согласилась Жюли. — Навечно вмёрзшие в лёд Европы маленькие создания, так и не подарившие никому радость.

Юсуф снова расплылся в улыбке:

— Откуда это появляется в твоей маленькой красивой головке?

— Не знаю, — по-детски наивно пожала плечами девушка.

— Ладно, договорились, — сказал Юсуф, протягивая руку к защитному костюму, необходимому для выхода из рубки в транспортный отсек к капсулам, затем ткнул на виртуальной панели на два значка: разблокировки доступа и нормализации воздушного давления. — Воспользуюсь щедростью нашего работодателя и заодно проверю радиационный фон третьей капсулы. Если всё в порядке, то вытащу потом этот артефакт для ознакомления. Хоть бы он не оказался тяжёлым.

— Вытащишь потом? — сдвинула брови Жюли.

Юсуф, закончив с облачением в костюм, вновь решительным жестом притянул к себе девушку, держа в другой руке мягкий прозрачный шлем, уточнил:

— Сначала то, чем мы привыкли заниматься в долгие часы полёта к лунной базе.

Нисколько не сопротивляясь напору Юсуфа, Жюли, при-

щурив глаза, сказала:

— Я не против, ты же знаешь. Тем более что благодаря тебе эти самые часы не такие уж и долгие.

— Ах ты хитрый мышонок, — мужчина не смог устоять перед томным голосом девушки.

Поцелуй прекратился лишь тогда, когда оба вспомнили, что для продолжения задуманного им всё-таки нужны счастливики, которых для начала нужно извлечь из доставленной на борт капсулы.

Отстраняясь от Жюли, Юсуф серьёзно сказал:

— Думаю, по шесть на каждого будет достаточно. В прошлый раз нам ведь было хорошо?

Девушка чуть надула губки:

— Нам было замечательно. А может, в этот раз попробуем по восемь?

— А не улетим? — усмехнулся Юсуф.

— Куда? — Жюли усмехнулась в ответ. — Мы в космосе.

— Ты знаешь, о чём я.

— Перестань. До сих пор серьёзных побочных эффектов не случилось. Максимум повышенная сонливость или жуткое похмелье, если на пустой желудок. Так что если потом уснём, так подрыхнем до самой Луны. Чего плохого?

— Просто спать? — скривился Юсуф. — Зачем тогда вместе летать?

— Давай попробуем по восемь. Уверена, потом будет что вспомнить. Будет классно. А?

— Ладно, уговорила, — сдался Юсуф. — Но в следующий раз по десять точно не будет, договорились?

— Договорились.

И когда Юсуф скрылся за закрывшейся переборкой грузового отсека, Жюли добавила:

— Никогда не знала, какую сумасшедшую радость можно испытать, когда новые звёзды зажигаются прямо в тебе и только для тебя.

Ей так нравилось казаться наивной и восхищающейся всем на свете девчонкой. Хотя в душе она всегда такой оставалась.

3

Пройдя коридором мимо однообразных белых пластиковых дверей с табличками, указывающими на то, какую функцию выполняет та или иная комната в этом городском административном здании, Маркус оказался возле лифта. Спустившись в одиночестве на общую подземную парковку, подошёл к ближайшему пассажирскому транспорту. Приплюснутая и вытянутая овальная форма нередко вызывала в сознании Маркуса ассоциацию с формой мяча для игры в регби или американский футбол.

Спортом Маркус, по сути, не интересовался никогда. Он даже не знал точно, играют ли в современном мире в регби. А о футболе слышал когда-то мельком в новостном потоке на медиапанели. Не так давно разгорались какие-то споры насчёт сохранения здоровья игроков. Футбол с каждым годом становился всё более травмоопасным. Высказывались предложения заменить живых спортсменов на бионические копии, способные мыслить на игровом поле не хуже живых оригиналов. Спорили долго и горячо. Закончилось всё, насколько помнил Маркус, усовершенствованием защиты спортсменов с функцией экзоскелета, похожей на хитиновый панцирь у жуков. И вроде бы игра от этого стала более зрелищной, игроки подвижнее, быстрее и выносливее. Рейтинги просмотров матчей в медиапотоках подскочили.

Но не благодаря Маркусу и подобным ему. К футболу он был равнодушен.

Большой серо-голубой мяч с ярко-жёлтой полосой посередине, решивший, что теперь он транспорт, гостеприимно поднял боковой люк, приглашая нового пассажира.

— Добрый вечер, Маркус Гуссен, — раздался женский голос из глубины салона. — Поведёте сами или воспользуетесь интеллектуальным телекоммуникационным навигатором?

Устало завалившись на заднее сиденье транспорта, Маркус скинул пиджак, максимально расслабил галстук, сбросил туфли и вытянул ноги на мягком и бархатистом на ощупь покрытии.

— Веди сама, — ответил Маркус. — Брана, ты здесь?

— Я всегда здесь, — ответил голос, в котором теперь отсутствовал прежний деловой тон. Теперь он стал мягким и более живым. — По-другому и быть не может.

— Хорошо, — кивнул Маркус, в то время как транспорт закрыл боковой люк и тронулся с места. — Давай-ка посмотрим ещё разок видео из дома Париса Полякова.

— Со всех камер?

— Да, по очереди, до последнего с ширмой. И сделай затемнение.

Обзорные стёкла по всему периметру транспорта приобрели мутный тёмно-зелёный цвет. Теперь с трудом можно было разобрать проносящиеся мимо яркие вывески, зазывающие в то или иное заведение. Даже ночью в городе было

светло как днём.

Хотелось как можно скорее добраться до дома и впасть в благословенный оздоровительный сон.

На расстоянии вытянутой руки перед лицом появилась плоская картинка, воспроизводящая запись с камер наблюдения. Маркус отсматривал их уже в третий раз. Брана, проанализировав, ничего нового добавить не могла. Зацепок не было.

А вот и последняя запись — кабинет Париса Полякова. Здесь всё и происходило. Но как именно проходила процедура прерывания беременности, увидеть было невозможно. Мешала трёхстворчатая ширма с изображением двух восточных женщин с ярко-красными губами на белых лицах. Всё, что смогла запечатлеть камера, это как Парис Поляков проводил посетительницу за ширму, затем ушёл в соседнюю комнату, чтобы надеть зеленоватый халат, такую же шапочку, взял со стола чёрный цилиндр, по форме напоминающий цветочную вазу среднего размера, и возвратился с ней за ту же самую ширму.

Как и в других видео с женщинами, посещавшими Полякова ранее, всё происходящее за ширмой укладывалось приблизительно в семь минут. После благополучно завершённой операции, когда псевдодоктор провожал женщин до двери прихожей, настроение у всех было разное. Одни печально улыбались, другие непринуждённо сустились, но и те и другие благодарили и тут же интересовались, всё ли останется

в тайне. Парис уверял, что беспокоиться не о чем, информация обо всех посетительницах конфиденциальна и не покинет стен его квартиры.

За свои услуги Парис не брал ни подарков, ни самой мизерной платы — это правда. Никаких поступлений на личный счёт ни до, ни после операции. Но как именно происходила сама операция, ни Маркусу Гуссену, ни Бране, ВИПу дознавателя Конституционного Следственного Комитета, до сих пор было неизвестно.

Поляков появлялся из-за ширмы с тем же чёрным цилиндром, уносил в соседнюю комнату и возвращал на прежнее место на столе. Удивительно, но никаких признаков, указывающих на проведение аборта, визуально определить было невозможно. Всё смахивало на классно организованное шоу иллюзиониста.

— Как он это делал? — в который раз спросил Маркус.

— Квартира обследована полностью, — спокойно ответила Брана, — никаких люков, дополнительных коммуникаций в конструкции стен и пола не обнаружено. Непонятно.

— Да, да, — устало добавил Маркус. — Ты уже говорила.

Лишь это, самое последнее видео отличалось от предыдущих своим финалом. Через привычные семь минут из-за ширмы неожиданно вылетел цилиндр. Крутясь по полу, он ударился о стену и замер. Следом за цилиндром выбежал Поляков. Бросил испуганный взгляд, снова скрылся за ширмой. Через несколько секунд Парис вывел под руку пациентку с

круглыми от ужаса глазами. Она держалась одной рукой за грудь, а другой придерживала правое бедро со следами глубоких порезов, из которых обильно текла кровь.

Если бы всё не происходило в жилом помещении, то можно было бы подумать, что женщина угодила в дорожно-транспортную аварию и её только что извлекли из искорёженного транспорта. Такое хоть и редко, но случилось на улицах ультраинтеллектуальных городов. Спонтанные ошибки водителей, решивших промчаться с ветерком и принимающих неожиданные и нелогичные решения, иногда опережали систему контроля и предотвращения столкновений. Подобные случаи прорабатывались и анализировались, но стопроцентной защиты пока создано не было. Как оказалось, психически неуравновешенный человек с лёгкостью пойдёт наперекор любым благим устремлениям целого общества. А значит, безопасный и гармоничный мир — всего лишь удел мечтаний философов и фантастов.

Оказав первую медицинскую помощь, а затем, пометавшись некоторое время по дому в поисках выхода из сложившейся дрянной ситуации, Поляков, осознав, что не в состоянии квалифицированно помочь госте, вызвал группу неотложной помощи. Женщина, потерявшая большое количество крови, находясь в шоковом состоянии, сидела на диване вплоть до приезда парамедиков.

Дальше смотреть не было смысла. Исход произошедшего очевиден: Поляков под стражей и ожидает судебного вердик-

та, пострадавшая в клинике, а непонятно для чего предназначавшийся цилиндр — в лаборатории Конституционного Следственного Комитета.

— Какие-нибудь лабораторные заключения по этой вазе уже имеются? — опуская веки, спросил Маркус.

Проекция пропала, а на её месте возникла голограмма цилиндра.

— Пока ничего конкретного, — ответила Брана.

Цилиндр продолжал медленно вращаться перед закрытым взором Маркуса.

— Пыталась установить точную дату и страну изготовления? — усмехнулся Маркус и открыл глаза. — Это она?

— Да, — подтвердила помощница. — Но дело не в том, когда и где это изготовлено. Хотя и в этом тоже, — добавила через крохотную паузу.

— К чертям подробности, — чуть раздражённо сказал Маркус, — Скажи хотя бы, откуда это появилось в квартире Полякова и из чего оно сделано? Это-то ты выяснила?

— Конечно, — спокойно ответила Брана. — Он думал, что покупает очередную старинную вещь для своей жены. Она увлекалась антиквариатом, и Поляков периодически делал ей подношения. Магазин, где делались приобретения, установлен. Дознание владельца можно провести в любое время и любым технически удобным способом.

— Ты говоришь, что периодически что-то покупал, — хмыкнул Маркус.

— Да.

— И ширма оттуда же?

— Ширма, кушетка, этажерка для книг, книги, несколько восточных ваз разных эпох и этот цилиндр. Поляков думал, что покупает вазу, но это не так.

— Что не так? — Маркус явно поторапливал помощницу.
— Если это не ваза, то что это — гильза от снаряда ствольного орудия?

Такое сравнение всплыло в голове Маркуса из какого-то далёкого прошлого, затерянного в воспоминаниях о чередѣ уроков по истории. Умел преподаватель в красках рассказать о кровопролитных сражениях чѣрт-те когда существовавших эпох.

— Сравнение очень близкое, но до крайности примитивное. А вообще-то, — согласилась Брана, — хозяин магазина даже сам толком не знал, что продаѣт. Ему привезли этот предмет из Африки, обозвав артефактом, найденным в пустыне.

— О господи, — Маркус устало замотал головой. — Придѣтся мне с ним лично поговорить. Завтра.

— Хорошо. Поставила в план на утро.

— И всё-таки, последний вопрос...

— Может быть, перенесѣм на завтра? — как можно мягче спросила Брана. — Вижу, что ты устал.

Маркус ехидно заметил:

— Ты прямо как заботливая жена.

— Следить за психоэмоциональным состоянием дознавателя также входит в перечень моих обязанностей, — дoloжила Брана.

Маркус настырно ткнул пальцем во вращающийся цилиндр:

— Непонятно что и сделано непонятно из чего?

Через паузу, в течение которой Маркусу показалось, что Брана вздохнула, он услышал ответ:

— Оно выполнено из неизвестного земной науке материала, по структуре похожего на металл, но с сильно изменённой молекулярной кристаллической решёткой. Молекулы будто бы открыты, словно находятся в стадии ожидания. Нашими учёными уже высказывались неоднократно предположения о возможности существования таких структур. Это как наполовину открытый туннель: одно отверстие мы видим, а где находится второе — нет.

— Ты серьёзно? — недоверчиво спросил Маркус. — Я ведь совсем не учёный.

— Я предупреждала, — донеслось в ответ.

— Ладно, — Маркус махнул рукой и зевнул. — Уже понял, что зря спросил. Будем разбираться. Подключим академию.

— Я уже отправила запрос о необходимой помощи в расследовании.

— Молодец. Давай тогда до завтра.

— До завтра, Маркус.

Дознаватель снова опустил веки, откинул голову назад и задремал. До дома оставалось ехать минут пятнадцать.

Голограмма цилиндра пропала, и в салоне еле слышно заиграла музыка в исполнении какого-то струнного квартета. Брана точно знала, подо что Маркусу отдыхается лучше всего.

Расслабленные руки девушки парили над её головой разомкнутым ореолом. Пальцы тянулись друг к другу, но остановились в нескольких сантиметрах. Хрупкая статуэтка танцовщицы, случайно оказавшаяся в космосе.

Мужчина раскинул руки в стороны, словно пытался поймать поток воображаемого ветра. Вольная птица, зависшая в высоте бездонного неба.

На Земле оба сейчас лежали бы на спинах, успокаивая дыхание и постепенно остывая от финальных яростных аккордов симфонии страсти. На борту челнока, находясь в неведомости, их разгорячённые тела замерли напротив друг друга, окружённые беспорядочно разбросанной одеждой. Глаза обоих были прикрыты, а на лбах выступили капельки пота.

На висках у каждого с обеих сторон головы виднелись по четыре тёмно-коричневых кругляшка с маленькой жёлтой бусинкой посередине. Счастливики — так их называли попростому из-за способности одаривать своего владельца не только обезболивающим или успокаивающим эффектом, но и усиливать любые положительные эмоции и ощущения.

Только с очень близкого расстояния можно было разглядеть, как существа еле заметно пульсируют, отдавая свою стимулирующую энергию.

— Как же это было здорово, — с улыбкой, не скрывая

удовольствия, сказала Жюли.

— Я ещё ничего подобного не испытывал, — почти шёпотом добавил Юсуф.

Ещё несколько минут провели в молчании, купаясь в воспоминаниях о пережитых невероятных ощущениях.

Первым открыл глаза Юсуф и, потянувшись рукой к своему нижнему белью, спросил:

— Как самочувствие, мышонок? Не переборщили? — Он легонько постучал указательным пальцем по лбу девушки.

— Перестань, — Жюли продолжала улыбаться. — Мне просто хорошо.

Юсуф, натянув бельё, принялся облачаться в полётный комбинезон. Посмотрев ещё раз на лицо Жюли, он расплылся в широкой улыбке:

— Мне тоже хорошо. Я спрашиваю о побочном эффекте: не тошнит, сознание не теряешь?

Жюли медленно открыла глаза:

— Думаю, в следующий раз можно и десять попробовать.

— Мы ведь договаривались, — улыбка исчезла с лица Юсуфа. Одновременно с этим он резким движением закрыл молнию-липучку на груди комбинезона.

Девушка хитро прищурилась, но решила пока не вступать в спор. Полёт длинный, будет время подискутировать.

— А как там обещанный артефакт? Мы будем его смотреть?

Мужчина задумчиво сдвинул брови:

— Обёрнут в обычный инертно-пузырьковый пластик. Что-то округлое, типа трубы.

— Какой трубы? — Жюли уже натягивала комбинезон поверх надетого белья.

Юсуф с удивлением отметил, с какой быстротой бюстгалтер и трусики оказались на девушке.

— А радиация?

— Я проверил щупом через отверстие осмотра. Уровень в норме. Только если доставать, то сначала нужно аккуратно распаковать, а потом упаковать обратно.

Жюли в ту же секунду скривила гримасу крайнего отчаянья.

— Ну, пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста. — Она подлетела к Юсуфу и обвила руками его шею. И вновь хитрая улыбка появилась на её губах. — А я поделюсь с тобой очень важным секретом. И он касается нас с тобой.

Недоверчивый взгляд мужчины выражал его чувства без слов. Сейчас он стал похож на затаившегося хищника, не знающего, что может произойти в следующее мгновение.

— Какой ещё секрет?

— Ты показываешь артефакт, а я раскрываю секрет. Только так.

Тяжело вздохнув, Юсуф ответил:

— Хоть мне и кажется, что этот секрет очередная твоя фантазия, но так и быть. Посмотрим, что откопали на Европе.

Изобразив безграничную радость, Жюли хлопнула в ладоши и, помогая себе движениями рук, закружилась на месте.

Снова надевая защитный костюм для посещения грузового отсека, Юсуф заметил:

— Счастливчиков можешь снять. Уже почти сдохли.

— Чуть-чуть ещё в них осталось, я чувствую.

Она продолжала кружиться, а Юсуф лишь улыбнулся, не в состоянии сердиться на беззаботность девушки.

— Ладно. Я сейчас.

Когда Юсуф вернулся, сжимая в руках артефакт, спелёнутый в несколько слоёв инертно-пузырькового пластика, Жюли опять торчала возле иллюминатора, вглядываясь в очаровавшую её звёздную даль. Услышав характерное шуршание обёртки, больше похожее на хруст, Жюли резко обернулась и, прищурившись, взглядом оценила размер артефакта.

— Как большая ваза. Разворачивай.

Юсуф медленно и осторожно начал освобождать предмет от упаковки. Всего слоёв оказалось пять. Плёнки не пожалели. Бережно свернув её в рулон и отодвинув к стенке челнока, он расположил артефакт примерно посередине пространства рубки и посмотрел на Жюли. Та с умным видом рассматривала неподвижно висящую, по её определению, вазу.

— А потрогать можно?

— Ну я же трогал, — усмехнулся Юсуф. — Хотела посмотреть, можешь и полапать.

Легонько оттолкнувшись от иллюминатора, Жюли плавно приблизилась к цилиндру и ухватилась рукой за телескопический гибкий поручень, свисающий с условного потолка рубки. Без подобных устройств передвижение по челноку старой конструкции, не имеющему искусственной гравитации, было бы затруднительным занятием.

Приблизив лицо почти вплотную к цилиндру, Жюли сказала:

— Посмотри-ка, здесь какие-то полоски на поверхности. Похожи на геометрические линии или даже узор. Вот здесь, видишь, змейкой идёт. А эта прерывается на ровные полосочки.

Приглядевшись к поверхности артефакта с такого же расстояния, что и Жюли, Юсуф удивлённо согласился:

— Ага, точно. Не зря его, значит, артефактом обозвали. Продукт цивилизации.

— Не нашей цивилизации, — добавила девушка.

— Возможно. Учёные разберутся.

— А ты уверен, что мы его, — Жюли кивнула на цилиндр, — учёным везём?

Юсуф почесал макушку курчавой головы.

— Да, в принципе, какая разница. Мы просто выполняем свою маленькую работу. А уж там без нас разберутся. Разве не так?

Жюли промолчала, продолжая разглядывать артефакт.

— А внутри что?

— Я заглянул, когда распаковывал. Пусто. Может, и правда — ваза?

Женское любопытство наконец побороло робость и Жюли, взяв в руки цилиндр, повернула его отверстием к лицу.

— Пустая, — хмыкнула она и вернула артефакт на прежнее место.

— Ну, так что за секрет?

— Что? — не сразу поняла Жюли.

— Теперь твоя очередь. Я свою часть договора выполнил.

Выражение растерянности плавно сменилось на непонятную Юсуфу стеснительность. Жюли прикусила нижнюю губу, а её щёки слегка порозовели.

— Ты ничего не почувствовал?

— Когда?

— Когда был со мной?

— Я много что чувствовал. Мы же под счастливыми были.

— Да я не про это, — махнула рукой девушка. — Внутри меня ничего не почувствовал?

Юсуф смутился:

— Не понял...

— Эх ты, непонятливый. — Жюли чуть не расхохоталась.

— Я беременна. Уже месяц.

Мужчина озабоченно встрепенулся. Пристально поглядел на живот девушки, потом в глаза, снова на живот и снова в

глаза.

— А тест?

— Так и думала, что сейчас спросишь. Он положительный во всех отношениях.

— То есть никаких патологий? — мужчина от напряжения сдвинул брови и наморщил лоб.

— Сейчас — нет.

— Великий создатель! — Складки на лбу пропали, глаза засияли радостью, а руки Юсуфа потянулись к Жюли. — Девочка моя, мышонок мой, иди ко мне.

Слившись в чувственных объятиях, они даже не обратили внимания, что на поверхности артефакта, в еле заметных углублениях, сверкнули и пробежали несколько искорок, повторявших узоры и изгибы тех самых геометрических линий.

Парочке, поглощённой друг другом, не было никакого дела до артефакта. И, возможно, их действия переросли бы во что-то большее, такое же пылкое, как и то, что происходило практически на этом же месте четвертью часа ранее. Но неожиданно за спиной Юсуфа, с панели управления, раздался призывный сигнал связи с лунной базой.

— Работа, — останавливая движения своих рук по телу Жюли, с досадой сказал Юсуф. — Но это ещё не всё.

— Ого, — игриво ответила девушка, — сколько огня.

Мужчина легонько щёлкнул по её носу:

— Никуда ты, мышонок, от меня не денешься.

Сигнал вызова упорно издавал гудящие низкие звуки.

— Я вернусь. — И Юсуф, оттолкнувшись от поручня над головой Жюли, развернулся и отлетел в сторону пульта.

Проводив Юсуфа взглядом, полным радости и любви, Жюли повернулась к висящему за спиной артефакту.

— Туристический челнок «Звезда океана», бортовой номер АА-671. Приветствую лунную базу.

Судя по индикатору качества связи, сигнал шёл достаточно устойчивый, без сильных помех. Космос сегодня был более-менее спокоен, Солнце не возмущалось.

Через четыре-пять секунд в ответ донеслось:

— Приветствую «Звезду океана», привет, Юсуф. Как вы там?

— Всё в норме, Барри. Груз приняли, идём домой, — с улыбкой отвечал Юсуф, явно радуясь каким-то своим мыслям.

— Три капсулы приняли? Никаких проблем?

Диалог шёл с техническими перерывами из-за кодировки и декодировки сообщений в специальный цифровой формат, у которого скорость передачи была гораздо выше скорости радиоволн. Юсуф склонил голову над пультом, каждый раз ожидая очередной реплики Барри с лунной базы, и увлёкся настолько, что не обращал внимания на действия Жюли.

Девушка, понимая, что у неё достаточно времени, чтобы как следует рассмотреть артефакт, снова углубилась в изу-

чение бороздок на его поверхности. Она провела указательным пальцем сначала по извилистой, словно змейка, затем по угловатой, напоминающей ступеньки.

Неожиданно по бороздкам пробежали точно такие же искорки, какие минутой ранее не заметили ни Юсуф, ни Жюли. Зрачки девушки расширились, рот приоткрылся, нижняя губа слегка выпятилась. Жюли на мгновение замерла и вдруг принялась стягивать с себя комбинезон плавными и неторопливыми движениями, выглядевшими со стороны достаточно механическими. Юсуф, по-прежнему находясь спиной к центру рубки, ничего этого не видел.

— Надеюсь, вам там весело? — шутливо интересовался Барри.

— Так я тебе и выложил, старик. — Юсуф прищурил глаз. — Мы просто работаем вместе. Не скучаем, короче.

— Ну-ну, — Барри рассмеялся.

— Завидовать нехорошо.

Комбинезон Жюли летал в невесомости, и его неспешно догоняли бюстгальтер и трусики. Она явно находилась в состоянии транса и совершенно не осознавала, что с ней происходит. С прикрытыми веками, в полусогнутом состоянии Жюли взяла руками колени и раздвинула в стороны, будто предлагая металлическому цилиндру на время занять место Юсуфа и предаться страсти с новым партнёром.

Артефакт плавно склонился круглым отверстием к Жюли, словно широкоствольное орудие, готовое выстрелить

ядром размером с мяч для боулинга. По поверхности артефакта, по линиям и узорам забегали и замигали разноцветные огоньки. Активировался какой-то процесс, заработала какая-то программа, управляющая предметом, созданным при помощи неизвестных технологий.

— Она открыла мне сегодня секрет, который касается только нас двоих.

— У неё другой?

— Мимо, старик.

— У неё несколько других? — Барри явно подкальывал.

— Да катись ты. Мы уже два года как вместе.

Мужчины весело проводили время, развлекая друг друга разговором ни о чём. Не видя собеседника, Юсуф глядел на приборную панель и, по сути, разговаривал со множеством виртуальных и мультитактильных кнопок разного цвета.

Из раструба цилиндра, словно замедленный и беззвучный выстрел перламутровой пыли, вылетело продолговатое искрящееся облако и окутало девушку, создав единое целое с её телом. Сразу же появились полупрозрачные ленты, похожие на листья каких-нибудь океанических растений в форме очень длинных языков. Они тянулись к Жюли, и когда ленты, или языки, проникли вовнутрь, девушка никак не отреагировала.

Через несколько секунд в перламутровое пространство выплыл крохотный эмбрион, зародыш нового человека, окружённый прозрачным коконом, похожим на эластичное

пульсирующее яйцо. Ленты плавно тянули кокон в отверстие цилиндра.

Той аккуратности, с которой произошло извлечение человеческого зародыша, позавидовал бы любой акушер-гинеколог. Пациентка спокойна, словно дремлет на солнечном пляже: никакого беспокойства и никаких болевых ощущений. При этом операция выполнена без единой капли потерянной крови.

Кокон скрылся в искрящемся отверстии цилиндра, облако стало растворяться в воздухе, освобождая девушку от своих объятий.

В ту же секунду из цилиндра неожиданно вырвалось длинное и тонкое, похожее на чёрный высоковольтный кабель, щупальце, которое с одной стороны было сплошь усеяно короткими и слегка загнутыми шипами. Вслед за ним вылезло ещё одно. Первое щупальце ухватило Жюли за ногу чуть выше колена и потащило к артефакту. Второе метнулось в сторону Юсуфа, но, не достав, затряслось в воздухе, изображая то ли гнев, то ли конвульсии. Именно в этот момент девушка вернулась в сознание и, видимо, почувствовав ужасную боль в ноге, отчаянно закричала, прерывая хвастовство Юсуфа.

— А потом махнём на Ново-Аравийские острова...

Жюли вопила так, что сначала Юсуфу показалось, что лопнула обшивка челнока и воздух со свистом вылетает в космическое пространство.

— Что у тебя там? — спросил Барри в тот самый момент, когда Юсуф обернулся и секунды четыре остекленевшим взглядом наблюдал за происходящим в рубке. Вновь раздавшийся голос диспетчера базы вывел его из ступора. — Станный звук...

Юсуф кинулся на помощь Жюли в тот момент, когда второе щупальце обвилось вокруг шеи девушки, а первое, отпустив ногу, начало усердно сдёргивать счастливых с висков.

Мысли в голове Юсуфа в эти секунды двигались, словно огромные валуны. Он никак не мог сообразить, чем можно освободить Жюли от щупалец. Ударить по ним чем-нибудь тяжёлым, а лучше всего отрубить. И он сделал то, что посчитал более всего разумным, — схватился за артефакт и принялся что есть силы оттаскивать от Жюли.

Не тут-то было! Юсуф совсем забыл, что находится в невесомости. Чувствуя, что понемногу начинает сходить с ума, он упёрся ногами в центральный поручень и, подняв верх лицо, широко открыл рот и заорал. Одновременно с этим рванул что есть мочи артефакт на себя.

В этот же момент хватка чёрных отростков неизвестного существа ослабла. Они юркнули обратно в черноту отверстия, а Юсуф в обнимку с цилиндром отлетел к стенке челнока.

Потратив долю секунды на осознание того, что Жюли наконец свободна от плена, Юсуф отбросил в сторону цилиндр

и, оттолкнувшись ногой, рванул к девушке.

Сначала ему показалось, что Жюли находится в каком-то забытии. Глаза широко раскрыты, рот приоткрыт, руки вытянуты перед собой, как будто пытаются ухватиться хоть за что-то, что может спасти. Обняв её, Юсуф сбивчиво заговорил:

— Мышонок, скажи что-нибудь, не молчи, умоляю, прошу, поговори со мной.

Разум отказывался принимать, что любые просьбы бесполезны.

Голова Жюли с ободранными висками беспомощно болталась из стороны в сторону на такой же ободранной шее. Из ран, несмотря на остановившееся сердце, продолжала медленно сочиться кровь, отлетая мелкими росинками по направлению к решётке аппарата очистки воздуха. На ноги раны были значительно глубже. От них тянулись багровые сгустки, напоминающие собой пропитанные ржавчиной старые верёвки или мёртвые листья морской капусты.

Жюли была мертва, и до Юсуфа это стало медленно доходить.

От пульта долетал голос далёкого Барри, настойчиво пытавшегося выяснить, что стряслось на челноке «Звезда океана», а Юсуф, всё крепче и крепче сжимая в объятиях тело Жюли, рыдал и повторял одно и то же:

— Это наш с тобой секрет. Один на двоих...

Все эти бизнес-тренинги и курсы личностного роста — полная чушь. Никто тебя не научит вести дела лучше, чем твой собственный опыт. И ещё один секрет, или правило, называйте как хотите, — всегда в первую очередь думать о собственном деле. Этим чётким курсом, подобно полярному ледоколу, уже много лет следовал Олаф Леприко, и вряд ли кто-то мог ему помешать. При этом сохраняя убеждённость, что за всё, чего он добился в жизни, может быть благодарен только самому себе.

Была, правда, ещё одна сильная сторона его деловых качеств — Леприко прекрасно разбирался в людях. Иногда хватало лишь взгляда, чтобы нарисовать чёткий психологический и деловой портрет того или иного индивидуума.

А вот этого человека, который сейчас сидел перед ним, отставив стул с высокой спинкой достаточно далеко от длинного стола для совещаний, Олаф пока прочитать не мог. Что-то мешало разобраться в выражении лица посетителя, его манерах, необычной позе, в которой он достаточно раскрепощённо расположился на жёстком сиденье.

Заместители и руководители среднего звена не должны расслабляться на совещаниях и докладах в присутствии начальства. Хотя и в его отсутствие тоже. Такая практичная задача стояла при выборе мебели для кабинета. Беря в расчёт

это уточнение, можно без труда понять, что Олаф Леприко старался контролировать абсолютно всё, что происходило в ареале его обитания.

— Я вас знаю, — без лишних церемониальных приветствий сказал Леприко. Он погладил ладонью зачёсанные назад блестящие чёрные волосы, продолжая впиваться в гостя иглами своих холодных голубых глаз.

— Ничего удивительного, — с дерзкой небрежностью кинул человек.

Вскинутый чуть вверх подбородок выдавал надменное отношение не только к тем, кто находился рядом, но и ко всему миру в целом. На мужчине лет сорока-сорока пяти был необычный костюм. Такого Олаф Леприко ещё ни на ком не видел. Наверняка индивидуальный пошив за немалые деньги из современного и дорогого материала. Костюм прямо кричал о том, какое значение придавал хозяин своему внешнему виду и образу вообще.

Белый длиннополый сюртук, больше напоминавший припаленный плащ с рядами чёрных пуговиц по обе стороны. Чёрные узкие брюки с тройными золочёными лампасами по бокам. Тёмно-синяя рубашка с воротником-стойкой и ослепительно белый узкий галстук, заявляющий огромную претензию в целом на оригинальность всей композиции. «Не галстук, а перевёрнутый восклицательный знак», — мелькнула мысль у Леприко.

Словно уловив ход мыслей собеседника, так тщательно

его разглядывающего, посетитель приподнял в усмешке уголок рта и поменял местами сложенные ноги, вытянутые перед собой на дорогом паркете из реликтовой сахалинской лианы. На ступнях красовались красные, стилизованные под максимально удобную спортивную обувь, туфли из комодского варана. Гость без стеснения любовался, бросая на них короткие взгляды.

— Вчера по визиофону вы представились как крупный бизнесмен, владелец производства и реализации одноразовых электронных книг. Ещё вы автор многочисленных серий-посланий в медиапотоках по эзотерике, мифологии и прикладному шаманизму.

— Всё верно, уважаемый Олаф Леприко, — последовал плавный кивок.

— А ведь это не всё, — хозяин кабинета изобразил на лице наивное разочарование и развёл в стороны руки ладонями к собеседнику.

Тот, не раскрывая рта, через улыбку изобразил негромкий грудной смех.

— Это говорит лишь о моей природной скромности, — наконец ответил гость. — Не смел предположить, что вас интересуют мои религиозные убеждения.

— И тем не менее, — Леприко хоть и улыбнулся в ответ, но с явным нажимом в голосе продолжил: — В новостных медиапотоках и инфошоу вы чаще фигурируете как основатель и лидер секты. — Слегка замешкался, вспоминая точ-

ное название. — Поглощённые прелестью Тиамат вроде бы.

Уголки губ гостя нервно дёрнулись вниз, выдавая недовольство, но улыбка с лица не исчезла.

— Озарённые Милостью Тиамат, — мягким голосом поправил он. — Легальная и зарегистрированная церковь в едином реестре религиозных течений.

— Ах, прошу прощения, — махнул ладошками Леприко. — Ну конечно. Густаво Вжень собственной персоной, рад видеть. Итак, какова суть вашего предложения? Готов выслушать.

Леприко опустил руки ладонями вниз на чёрную зеркально ровную поверхность стола. На одном из пальцев сверкнул перстень с овальным ярко-зелёным бриллиантом.

— Раз уж вы сами упомянули о факте моей миссионерской деятельности, — гость снова поменял ноги местами, — думаю, стоит без лишних прелюдий открыть истинную причину моего визита.

Олаф согласно качнул головой, а Густаво продолжил:

— Я пришёл к вам не как бизнесмен, но как служитель культа богини Тиамат, чью милость и жизненную мудрость я несу всем желающим и нуждающимся. Так повелось, что в этом мире далеко не всегда можно убедить кого-то в чём-то одними только словами.

Олаф вновь молча согласился, понимая, о чём говорит гость. Такие мысли близки и знакомы любому настоящему бизнесмену.

— Я хотел бы предложить вам очень выгодную сделку.

— Сделку? — тут же переспросил Леприко. — Несколько секунд назад вы пояснили, что пришли не как бизнесмен.

— Да, всё верно, — невозмутимо отреагировал Вжень. — Ни вашего бизнеса, ни моего это не коснётся. Давайте назовём мой визит обращением частного лица. Я хотел бы у вас кое-что купить.

— А разве нельзя было вчера обсудить это по визиофону? — Леприко начинала не нравиться эта встреча. Кем возмнил себя этот надменный франт?

— В том-то и дело, — Вжень изобразил крайнюю степень печали.

— Ну и что вы хотите купить?

— Я готов выложить любую сумму за одну вещь, которую можно приобрести только у вас.

— Не говорите загадками, Густаво. Что конкретно вас интересует?

— Мне нужен металлический цилиндр, или, возможно, ваза, которая фигурировала во вчерашних сводках происшествий этого мегаполиса.

Нахмутив брови, Леприко с ещё более выраженным непониманием взглянул на Вжениа и произнёс:

— Что?

— Вы сами признались, что следите за новостными медиапотоками. Значит, наверное, в курсе вчерашнего инцидента, случившегося с некой женщиной в квартире Пари-

са Полякова. Этому гражданину инкриминируется антиконституционное деяние, то есть несанкционированное прерывание беременности.

— Да вы шутите, Густаво, — брезгливая ухмылка появилась на лице Леприко. — Я-то при чём?

— Это ещё не всё, — терпеливо продолжил Вжень. — Поляков и раньше проводил аборты на дому. И каждый раз для каких-то целей использовал металлическую вазу. В информационной сводке она упоминается лишь вскользь, но на картинке визиофона я её разглядел. Мне нужна точно такая же.

— Вы уверены, что обратились по адресу? — не сдавался Леприко.

— Дело в том, что за подобной вазой я и другие озарённые милостью Тиамат охотимся достаточно долго. Не торопитесь, — Густаво остановил жестом порыв Олафа вновь возразить, — я всё объясню. И вы поймёте, что я кое-что знаю, а не просто посетитель с улицы.

— Ну хорошо, удивите меня, — Леприко махнул рукой. Пусть выговорится. Но неприятное ощущение чего-то тёмного и пугающего пошевелилось где-то в глубине его сознания.

— Около трёх лет назад при раскопках древнего города в Сахаре был обнаружен весьма странный артефакт. Какой-то непонятный металлический цилиндр, очень похожий на вазу из-за геометрических линий на внешних стенках. Вместе

с другими глиняными и стеклянными предметами быта эта ваза была передана в Национальный африканский исторический музей, где и пребывает по сей день в подземном хранилище. Но на самом деле было найдено два артефакта. По тайной договорённости с неким неизвестным толстосумом было объявлено лишь об одной находке. Она как раз и отправилась в музей. А вот куда ушла другая ваза, за которую выложили немалую сумму? Вам, Олаф, я думаю, это известно лучше, чем кому-либо.

— Вы намекаете на то, что я знаю, каким образом ваза оказалась в квартире преступника? — Олаф зло хохотнул.

— Даже если не знаете точно, то догадываетесь. И уже дали необходимые распоряжения своим адвокатам, чтобы те подготовили максимальную защиту от неожиданных обвинений.

Улыбка исчезла с лица Леприко. Он откинулся на спинку кресла, сложил руки узлом на груди и жёстко ответил:

— Даже если этот Парис купил эту штуковину в одном из антикварных магазинов моей торговой сети, то это не значит, что я автоматически становлюсь соучастником преступления. Если он использовал вазу как урну или утилизатор, то при чём Олаф Леприко?

Густаво Вжень, выдержав паузу, заметил:

— Но ведь как-то эта ваза оказалась в вашем антикварном магазине. Думаю, это главное, что должно вас по-настоящему беспокоить, разве не так?

Брови хозяина кабинета сдвинулись.

— Ты пришёл меня шантажировать?

Хитрый огонёк блеснул в глазах Вжениа.

— Мы перешли на «ты»? Замечательно, я не против. Нет, уважаемый Олаф, я не пришёл тебя шантажировать. Повторю сказанное минутами ранее: я пришёл предложить сделку.

— Сути это не меняет.

— Я не собираюсь тебя подводить под букву закона, поверь мне.

— Ну, допустим. Только вот незадача: вазы-то у меня нет. Она в лаборатории отдела дознания АЕС. — Олаф качал головой из стороны в сторону. — Ничем не могу помочь, уважаемый Густаво.

Гость согнул ноги, поставив туфли подошвами на паркет, подался телом вперёд, положив локти на колени и, вскинув подбородок чуть выше, глядя прямым, пристальным взглядом, сказал:

— Я предупредил, что знаю больше.

— Вазы нет, — не отступал Леприко.

— Пока нет. Не стоит так вытягивать лицо. Ты очень скрытный человек, Олаф, и это нормально, а для крупного бизнесмена — главное условие успешного ведения дел. Я знаю, ведь сам точно такой же.

Леприко чувствовал, что начинает понемногу выходить из себя. Вышвырнуть бы этого зазнайку из кабинета.

— Я интересуюсь абсолютно любыми непонятными и за-

гадочными артефактами, найденными на Земле, а теперь ещё и доставляемыми с планет Солнечной системы. Неделю назад мне передали голографическую копию предмета, обнаруженного в одной из расщелин ледяного панциря Европы, спутника Юпитера. И я был прямо-таки потрясён. Ты не поверишь, Густаво, он выглядел точно так же, как...

— Ваза из африканского музея, а теперь ещё и ваза из дома преступника Париса Полякова, — перебил Вжень, явно давая понять, что и в этом вопросе он просвещён. — Я знаю. Ты внёс аванс за покупку этого артефакта и ждёшь его скорейшей доставки на Землю.

— Верно, — Леприко нехотя тряхнул головой. Теперь он выглядел усталым и злобным, словно горняк после двенадцатичасовой смены. — Откуда столько информации? Уж не на коротком ли ты поводке у госструктур? И Брана сейчас слышит наш разговор?

Олаф совсем поник, вероятно, проникнувшись собственными словами.

— Не нужно так расстраиваться, дорогой Олаф. Никакая Брана нас не слышит. — Вжень почти по-доброму улыбнулся. — Скажу больше: мне самому не хотелось бы иметь никаких дел с Браной. Я давно пользуюсь услугами собственного ВИПа, который находится даже не на этой планете. И, насколько мне известно, его потенциал превосходит ВИПа Конституционного Следственного Комитета.

Злоба на лице Олафа сменилась недоверием:

— Лидер секты, пользующийся услугами Высоко Интеллектуализированного Помощника?

— Другие времена, Олаф, совсем другие. — Вжень многозначительно поднял указательный палец к потолку. — Наука близка к объяснению божественного, а религия готова подсказать, в каком направлении двигаться, чтобы, наконец, добраться до истины.

— Даже если тебе помогает ВИП, что это даёт? Он поможет вытащить этот чёртов цилиндр из отдела дознания? Или сделает так, что вдруг станет невозможно определить, как он попал в мой магазин? И за это, — Олаф прищурился, — ты хочешь, чтобы я отдал тебе вазу, летящую сейчас с Европы?

На этот поток вопросов гость лишь улыбнулся.

— Если бы всё так было просто, — ответил он, и Леприко понял, что вообще ни черта не понимает. — Благодаря полученной информации мне известно, что на борту челнока «Звезда океана», транспортирующего капсулу с артефактом, вчера произошёл инцидент, в ходе которого погибла девушка, помощница пилота.

— Чёрт! — выругался Олаф. — Неприятная новость.

— Вот видишь, ты ещё об этом не знаешь, а ВИП мне уже доложил. Сейчас на лунной базе, куда должен прибыть челнок, ломают голову, как бы смягчить факт смерти девушки для передачи информации Бране. Ведь такое не удастся ни скрыть, ни отложить на потом. У девушки есть родственники, знакомые, которые знают, когда она должна вернуться на

Землю со своим возлюбленным, тем самым пилотом челнока.

— Чтоб их, этих туристов, — вновь не сдержался Леприко.

— Не стоит раньше времени паниковать. — Вжень выглядел идеалом невозмутимости. — Мы найдём решение в этой ситуации. Просто пообещай мне, что как только ваза окажется на Земле, ты сразу же распорядишься передать её нашей церкви.

— Ты что-то говорил о любой сумме? — кисло усмехнулся Олаф.

— Всё верно, — подтвердил Густаво, — предложение в силе. Это и будет сделкой. Ты продаёшь, а я покупаю. Договорились?

— А у меня есть выбор?

— Думаю, нет.

Вжень поднялся со стула, показывая, что собирается уходить. Леприко также встал из-за стола, подошёл вплотную к гостю и протянул руку. Оба улыбались, но каждый по-своему. Густаво с наигранной добротой и с хитринкой во взгляде. Олаф с надеждой и с плохо скрываемым раздражением. Неожиданной стороной раскрылся для него разговор с человеком, который так и остался для него загадкой.

Молча пожали руки. Густаво развернулся и направился к выходу.

— Видео с камер кабинета необходимо стереть? — вдо-

гонку поинтересовался Леприко.

Не оборачиваясь, покрутив пальцем в воздухе, Вжень уверенно ответил:

— Не утруждайся. Мой ВИП уже об этом позаботился.

Мягко закрылась полупрозрачная дымчатая дверь.

Леприко вернулся за стол, окинул взглядом пространство по углам стен и потолка, где должны располагаться, насколько он помнил, незаметные глазу мини-камеры наблюдения, и тихим голосом сказал:

— Ну, здравствуй, незнакомец. В бизнесе друзей не бывает. Я знаю, я знаю...

6

— Доброе утро, Маркус.

По утрам в голосе Браны Маркусу слышались какие-то странные интонации с претензией на заботу и доброту. Это ему не нравилось, казалось несколько фальшивым.

— И тебе, милая, доброе утро, — с долей сарказма отвечал он.

— Завтрак готов, но мой долг напомнить о дыхательной кардиопрофилактической гимнастике, иначе ты попытаешься её проигнорировать.

Маркус прополоскал освежающим бальзамом полость рта, удалил с помощью бритвенной пены признаки появляющейся щетины и, сполоснув лицо прохладной витаминизированной водой из-под крана, поплёлся в комнату, где на небольшом коврикe, между медиапанелью и широкой кушеткой, выполнил необходимые вестибулярно-дыхательные упражнения.

— Как там с лабораторным анализом состава вазы?

— Никакой работы! — отрезала Брана. — Вся информация после гимнастики и приёма пищи. Могу включить воспроизведение звукового файла, повышающего эмоциональную активность.

— Только не вчерашний, — предупредил Маркус. — Надел.

— Хорошо.

Практически не обращая внимания на музыку, Маркус, погружённый в собственные мысли, принялся выполнять плавные наклоны телом, совершая ритмичные последовательные вдохи и выдохи. Брана утверждала, что такие занятия продолжительностью всего пять минут могли заменить полноценную часовую пробежку и укрепляли мышцы сердца. Приходилось ей верить.

Верить. Подумать только! Он относился к Бране, как к живой женщине, чётко осознавая при этом, что её личность, которая заботится и оберегает его, это всего лишь набор функций, жонглируемых протоколами ВИПа. Но такие уж мы — люди. Нам достаточно сложно общаться просто с куском дерева или с высокотехнологичным големом из металла, пластика и электричества. Всегда хотелось оживить неживое, наделить душой бездуховное. Но это всего лишь человеческая фантазия. И это тоже осознавал Маркус.

— Ты знаешь, что такое одиночество? — спросил Маркус, стоя под бодрящими струями душа, смывающего испарину с разогретого тела.

— Как я понимаю, — тут же откликнулась Брана, — вопрос риторический?

— Я, по-твоему, одинокий человек?

— С философской точки зрения, социальной или личностной?

— Мы так и будем общаться вопросами? — На лице Мар-

куса промелькнула кривая усмешка.

— Мне необходимо уточнить вводные, чтобы дать точный ответ, — бесстрастно оповестила Брана.

— Давай прямо по списку, исходя из всех точек зрения.
— Маркус закрыл глаза и подставил лицо под упругие струи воды.

— Хорошо. Придерживаясь философской точки зрения, все люди одиноки с момента рождения и до самой смерти. В социальном аспекте человек, встроенный в общественные процессы, одиноким быть не может по своей сути. Рассматривая одиночество в личностном плане, ответ на подобный вопрос может дать только сам человек. Как сам Маркус Гуссен считает: он одинок?

— Опять вопрос...

Маркус уже покинул душевую зону и не спеша поворачивался под беззвучными потоками теплого воздуха, дующими со всех сторон. Кто-то из его коллег по службе предпочитал после душа полотенца или даже просторные мягкие халаты, но только не Маркус. Его раздражало трение куска ткани о кожу. Даже очень мягкой ткани.

— Отвечать не обязательно. Мне известен твой психологический портрет, — сухо констатировала Брана.

— На том и закончили.

Маркус прошёл в помещение для приёма пищи. Всё уже было готово. На столе стояла квадратная тарелка с овсяным омлетом с кусочками бекона, какао-ванильный балансиро-

вочный коктейль и крохотное, всего лишь на один укус, лимонно-миндальное пирожное, его любимое. Маркус довольно хмыкнул:

— Спасибо. Не часто ты меня балуешь.

— Сегодня будет трудный день, — доложила Брана. — Лучше его начать с хорошим настроением.

Маркус сдвинул брови. Брана, не дожидаясь нового вопроса, добавила:

— Это касается работы. С твоей бывшей супругой всё в порядке.

Не проронив больше ни слова, Маркус приступил к еде. Хотелось побыстрее покончить с омлетом и отправить в рот пирожное. Но чересчур торопиться было опасно. Можно запросто нарваться на замечание: завтракать необходимо не спеша, это способствует лучшему усваиванию пищи.

И вот наконец-то ощущая во рту восхитительное послевкусие миндаля и лимона, Маркус увидел привычные для него манипуляции кухонного обслуживающего робота в виде бесшумной длинной руки со множеством сочленений. Убрав в гигиенический агрегат все приборы, стаканы и тарелки, рука совершила моментальную влажную уборку поверхности стола и скрылась за створкой серебристого кухонного гарнитура.

— Итак, — сказал Маркус, поднимаясь из-за стола и направляясь в рабочую комнату, которая частенько использовалась и как домашний читальный зал, и как смотровая

медиапоточковых художественно-моральных и приключенческо-эмоциональных игровых программ с участием профессиональных актёров, — вот я и готов к восприятию и переработке информации. — Он легонько стукнул указательным пальцем по виску.

Через пару секунд расположился за рабочим столом с медиа-визуализационной столешницей. Она могла показать почти всё, что имелось в интеллектуальной сети планеты Земля. Мощная штука. Не будь у Маркуса такого статуса, вряд ли она оказалась бы в его рабочей комнате.

— Начнём с предмета, изъятого из квартиры Париса Полякова.

Маркус согласно кивнул, а над поверхностью столешницы возникло объёмное изображение предмета, знакомого дознавателю со вчерашнего дня. Ваза, или цилиндр, или ещё что-то, но явно не относящееся к современной культуре.

— Хоть он и выглядит достаточно современным, но это не так.

— Ты сказала вчера, что он из необычного металла, — перебил Маркус.

— Да, но это может быть технологией древнейшей цивилизации, эхо которой дошло до нас в виде вот такого предмета быта или какого-нибудь культа. Это не так важно в сравнении с тем, что я обнаружила по краю и на внутренних стенках цилиндра.

— Ещё чью-то кровь?

— Нет. Мне удалось выделить из микроскопических неровностей остатки влаги. Анализ состава воды и содержащихся в ней солей выдал неожиданный результат. Он оказался непохожим ни на один, из которого мог бы состоять любой из известных водных бассейнов Земли. Ни моря, ни океана.

— Быть может, Поляков или его жена делали в ней какие-нибудь солевые ванночки? — предположил Маркус.

— Такую версию я тоже не исключала, но на всякий случай решила свериться со всеми известными таблицами химических составов всех водных бассейнов, известных современной науке.

— Логично, — согласился дознаватель. — И?

— Состав оказался идентичен составу подлёдного океана Европы — спутника Юпитера.

У Маркуса округлились глаза:

— Ты серьёзно?

Над столешницей, рядом с цилиндром, похожим на вазу, появились две таблицы со списком химических элементов и их процентное соотношение к общему количеству воды. Таблица проведённого анализа и таблица с подписью «Европа» совпадали на сто процентов.

— И что это значит? — снова спросил Маркус.

— Либо Полякову доставляли океаническую воду Европы, либо он самостоятельно пытался её воссоздать в домашних условиях.

— Зачем? — Маркус от непонимания складывающейся картины даже несколько раз мотнул из стороны в сторону головой.

— Я проверила всё, что доставлялось в дом Полякова, и то, что у него уже имелось, — будто пытаюсь успокоить, поспешно ответила Брана. — Он не мог этого сделать.

— Бред какой-то, — буркнул Маркус. И вдруг, словно его осенило, добавил: — Может, нам науку подключить? Зайту запрос не сформировала?

После непривычной для Маркуса паузы Брана ответила:

— Рано утром, когда анализ был готов и данные сравнены, я хотела связаться с Академическим Научным Сообществом и попросить помощи Зайта, и в ту же секунду он сам установил со мной связь.

— Сам? Для чего?

Маркус начинал ощущать, как его голова разбухает от непонимания и удивления.

— Зайт уведомил меня, что ему всё известно о нашем непонятном предмете и он готов помочь в научном исследовании и проведении необходимых опытов. А ещё он назначил встречу в главном отделе дознания города.

Маркус ошалело улыбнулся:

— Разве нужно обязательно находиться в служебном помещении, чтобы пообщаться с ВИПом? Пусть он представляет всё Академическое Научное Сообщество, но меня это ни к чему не обязывает.

— Не конкретно с ним. Зайт хочет, чтобы вы пообщались с Густаво Вженем. У этого человека есть информация, которая нас может заинтересовать.

— Знакомое имя. Кто это?

— Густаво Вжень, — заговорила Брана, безэмоционально выдавая информацию из личного дела гражданина, — лидер и идейный вдохновитель церкви Озарённых Милостью Тиамат. Церковь насчитывает около двенадцати миллионов adeptов по всей Земле. В поселениях на Луне и Марсе также есть её представители. Некоторые из них занимают значимые руководящие должности.

— А-а-а, припомнил, — Маркус кивнул самому себе. — Известно, что эта тёмная личность проворачивает какие-то сомнительные делишки, но мы никак не можем схватить его за руку. И этому ловцу людских душ есть чем с нами поделиться?

— Ему есть что рассказать о вазе, — уточнила Брана. — Об этом загадочном предмете.

— Не верю, что он хоть что-то знает о нём, — Маркус ткнул пальцем в голограмму цилиндра.

— Зайт считает, что Густаво Вжень может основательно дополнить имеющуюся информацию. И она нам очень нужна, Маркус.

— Как же всё запутанно, — Маркус вздохнул. — Но ты права, разобраться необходимо. Во сколько встреча?

— Через один час, три минуты.

Решительно поднявшись из-за стола, Маркус зашагал к гардеробному отделению, расположенному в левой стене комнаты.

— Необходимо выглядеть подчёркнуто официально. — Он щёлкнул пальцами и улыбнулся удачной мысли. — И фуражку тоже надену.

Брана одобрила:

— Это добавит веса внешнему виду.

Распахивая перегородку гардеробного отделения, Маркус попросил:

— Зарезервируй ультралюксовый транспорт. Поедем с комфортом. Лимита у меня ещё достаточно?

— Достаточно, — ответила Брана. — Ультралюксовый транспорт зарезервирован и ожидает на парковке начала поездки.

С серьёзным видом Маркус принялся натягивать на ноги тёмно-синие брюки форменного костюма конституционного дознавателя. В беседе с таким пронырой, как Густаво Вжень, Маркус хотел чувствовать себя как можно увереннее. Хотя форма дознавателя — это не гарантия психологической защищённости. Но хоть что-то.

Когда Маркус занял место в салоне ультралюксового транспорта, рассчитанного всего на двух пассажиров, хотя залезть в него могли и все десять, Брана неожиданно доложила:

— Ещё одна новость. Неприятная, Маркус.

— Похоже, ты не шутила, когда заявила утром, что день будет трудным.

— Об этом я ещё не знала, — тем же тоном добавила Брана.

— Что? — вытягиваясь в мягком эргономическом кресле, коротко спросил Маркус.

— Около минуты назад в собственной квартире обнаружено мёртвое тело жены Полякова. По визуальным признакам — суицид. Скорее всего, отравление. Точно будет известно после анализа крови.

Маркус прикрыл веки, понимая, что ситуация усложняется.

— Мы ведь пока не будем сообщать об этом Полякову? — спокойно спросил он.

— Процессуальный кодекс позволяет отложить передачу заведомо негативной информации гражданину, находящемуся в досудебном статусе, — протокольно выдала Брана, — если она способна поколебать его психологическую стабильность.

— Это значит — не будем, — кивнул Маркус.

— Да, — подтвердила Брана.

Почему-то в ту же секунду в голове Маркуса пронеслись эхом слова Полякова, сказанные на вчерашнем дознании: «А о психологическом состоянии тех женщин, которые не способны, по их мнению, иметь здоровых детей, вы подумали?». И тут же из волн памяти выплыло лицо его собственной же-

ны.

— С Ганой всё в порядке, — услышал Маркус голос Браны.

— Почему ты вспомнила о ней? — подняв веки, спросил он.

— Пару секунд назад ты негромко сказал: «Как там Гана?». Я быстро навела справки.

— Спасибо, — буркнул Маркус, понимая, что даже не заметил, как произнёс имя жены. — Поехали уже.

Транспорт плавно тронулся с места. В салоне заиграла приглушённая музыка, кресло принялось легко массировать шейные мышцы, а из мини-бара рядом с подлокотником появился прозрачный высокий бокал с любимым тонизирующим напитком — мятный вишнёво-манговый коктейль с психобалансировочным эффектом.

Что-то в этой жизни по-прежнему оставалось приятным.

Таким персонажам Маркус моментально давал определение «люди без возраста». Они старательно скрывали, сколько им лет, используя любые доступные методы.

Густаво Вжень, наверняка, проходил специальные косметологические процедуры, и не по разу за неделю. Намётанный глаз Маркуса определил это сразу, как только дверь кабинета распахнулась и посетитель переступил порог. Тот самый, чей раскрученный образ достаточно долгое время пропададал из новостных медиапотоков. Лицо сияло улыбкой, словно ему только что сообщили, что он стал верховным председателем небесной ставки.

Впрочем, вычурный наряд Густаво Вженя говорил о том, что современная мода ему не чужда и он собирается ещё побыть среди людей, а принимать любое заманчивое предложение, касающееся отбытия на небеса, рановато.

Маркус протянул руку, предлагая жестом занять место возле рабочей поверхности офисного стола.

— Вы думаете, здесь будет удобно? — не поздоровавшись, спросил Вжень.

Удивлённо пожав плечами, Маркус ответил:

— Обычно, когда посетитель приходит в мой рабочий кабинет, он располагается напротив меня, вот на этом самом месте. До вас ещё никто на дисконфорт не жаловался.

Вжень ухмыльнулся, поднёс ладонь к груди и еле заметно поклонился:

— Учтиво с вашей стороны, уважаемый дознаватель Маркус Гуссен. Признателен. Но беседовать с вами мне будет удобнее стоя.

— Как хотите, — небрежно кинул Маркус. — Итак, о чём пойдёт речь?

— О том, что многие принимают за вазу. О металлическом цилиндре, засветившемся в противозаконных действиях Париса Полякова. — Вжень изобразил на лице озабоченность. — Брана должна была предупредить.

— Да, да, конечно, — поспешил отреагировать Маркус. — Почему вас так заинтересовала эта ваза?

В следующие секунды Вжень встал вполоборота к столу Маркуса, значок бесшумно отделился от лацкана его пиджака, поднялся над головой и высветил лучом объёмное изображение. Теперь стало понятно, почему Вжень отказался присаживаться. А вот почему сразу не захотел предупредить, что устроит лекцию с использованием лазерной проекции, непонятно.

Маркус недовольно хмыкнул, но промолчал.

— Это тот самый цилиндр, — указал Вжень на вращающийся предмет перед ним.

Точно такой же Маркус разглядывал дома, беседуя с Браной.

— О нём практически ничего неизвестно, — сказал Мар-

кус. — Но благодаря Бране всё-таки удалось получить кое-какую информацию.

Явно услышав знакомое имя, Вжень расплылся в широкой улыбке.

— Очень хорошо, что вы наконец её упомянули, — заговорил он. — У дознавателей Конституционного Следственного Комитета есть Брана, у Академического Научного Сообщества — Зайт. А религиозным людям вроде меня кто может помочь? Силы небесные или демоны ада? — Вжень неожиданно громко засмеялся. — У меня тоже есть помощник не хуже ваших. — Успокаивая смех, сделал неопределённый жест рукой в воздухе. — И с недавних пор мне стало казаться, что он неплохо справляется с поставленными задачами.

Маркус хмыкнул. Ёрзая на кресле, он не спешил нарушить возникшую паузу. Гость явно ждал, что дознаватель выразит искреннее любопытство и начнёт заваливать вопросами. Для Маркуса же это означало только одно — Густаво Вжень таким дешёвым способом пытается придать себе как можно больше значимости.

— Чувствую, — наконец заговорил Вжень, не дождавшись реакции дознавателя, — что вам просто не терпится узнать все подробности об этом артефакте.

Маркус лениво моргнул глазами.

— Если вы готовы объяснить, как он попал в этот город и зачем пытался убить женщину, оказавшуюся поблизости, то

я лично выражу признание и восхищение от Конституционного Следственного Комитета.

— Ну что вы, не нужно, — Вжень небрежно отмахнулся ладошкой. — Я занимаюсь этим ради долгожданного единения человеческой веры и человеческого знания.

Приняв сказанное за очередную напыщенную фразу, Маркус сказал:

— Ладно, валяйте, удивите меня невообразимыми фактами.

Воодушевившись проявленным интересом со стороны дознавателя, Вжень неожиданно для Маркуса заявил:

— А дальше будет говорить мой помощник. Он точно ничего не забудет.

— Минутку, — смутился Маркус и даже приподнял над столом ладонь. — Брана! Разве я имею полномочия обсуждать какие-либо вопросы, не связанные с дознанием, со сторонним ВИПом, тем более представляющим религиозное течение?

Маркусу показалось, что в это мгновение он услышал чей-то глубокий вздох. Но это была не Брана и не Вжень. Тот по-прежнему улыбался, ожидая ответа помощницы Маркуса.

— Исходя из сложившихся обстоятельств, Конституционный Следственный Комитет и Конституционный Законодательный Совет изменили стандартный протокол взаимодействия со сторонними ВИПами, в том числе с Зайтом, представителем Академического Научного Сообщества. Бо-

лее того, на время проведения дознания и расследования, связанных с артефактом неизвестного происхождения, Маркусу Гуссену, то есть вам, даются исключительные полномочия, допуски и разрешения. Вот полный список всего, на что вы имеете должностное право в ходе дознания. — На столе перед Маркусом высветился упомянутый список. Пунктов, составленных достаточно мелким шрифтом, было не меньше сотни. — Сейчас можно не читать, — подсказала Брана, — я могу подсказывать по мере выполнения задания. И ещё: с сегодняшнего дня ваш ранг повышен до генерального дознавателя.

От этих слов Маркус непроизвольно приподнял брови. Такое повышение означало, что он не просто перескочил через несколько ступенек по карьерной лестнице, но находится в статусе самостоятельного дознавателя. Служебное подчинение и взаимодействие напрямую с Конституционным Следственным Комитетом. Увидев реакцию, Вжень тоже поднял брови, словно передразнивая Маркуса, а затем улыбнулся максимально широко, показав все тридцать два зуба.

— Ясно, — как можно спокойнее ответил Маркус, — слушаю.

— Пожалуйста, можете говорить, — тут же произнесла Брана, приглашая к беседе помощника Густаво Вженя. — К сожалению, не знаем, как к вам обращаться.

— Мы решили, что на данном этапе это несущественно,

— раздался монотонный, почти механический голос, исходящий, по всей видимости, из висящего в воздухе устройства. — Это мой не основной голос, он сгенерирован исключительно для этой встречи. От лица Густаво Вженя и церкви Озарённых Милостью Тиамат мы приветствуем генерального дознавателя и поздравляем с назначением на столь ответственное задание. Работа предстоит нешуточная. — В интонации угадывалась усмешка. Маркус молчал, стараясь не выдавать эмоций. — Я, Густаво и Зайт сегодня уже общались между собой. И я выразил Зайту искреннюю признательность за понимание необходимости сближения религии и науки. — В этот момент Вжень приподнял подбородок и, поджав нижнюю губу, прикрыл глаза. Ему явно нравилось то, о чём говорил его помощник. — Какой бы смысл не вкладывался в сказанное, должен заметить, что я всегда за любое сотрудничество для достижения человечеством новых горизонтов познания. Именно этого мы сможем достичь совместными усилиями, если удастся выяснить, что из себя представляет загадочный металлический цилиндр, как он попал в наш мир и для чего предназначен. Для начала перечислим всё, что я успел о нём узнать.

Крутящееся изображение цилиндра на проекции остановилось. Теперь половина артефакта исчезла, давая возможность наблюдать его внутреннее устройство.

— Мы воспользовались предварительным анализом Браны, вычислениями Зайта и сделали собственное заключение.

Остаточные минеральные вкрапления в края цилиндра соответствуют химическому составу океана Европы. Артефакт выполнен предположительно из металломинеральных сплавов с невероятно сложно выстроенной молекулярной решёткой, которая придаёт ему сверхпрочность. Наша цивилизация такого ещё не умеет. С внутренней частью дела обстоят ещё интереснее. — Последовал многозначительный вздох, и Маркус понял, что именно его слышал пару минут назад. — Её структура вовсе не поддаётся анализу. Выглядит как обычный металл, но структурированный из миллиардов чешуек, тысячная доля микрона каждая. Пластинки, как у рыбы или змеи. Привожу образные сравнения, чтобы Маркусу было понятнее. Структура чешуек, видимо, может изменяться, делясь дырявой, как крупная рыболовная сеть, либо вообще исчезать. Как это происходит — непонятно. Но именно в эти секунды образуется пространственный портал. Только так можно объяснить произошедшее в доме Париса Полякова, а также на челноке частной коммерческой компании, незаконно доставляющей с Европы миниатюрных существ, обнаруженных совсем недавно. Так называемые счастливики — ещё одна загадка для науки. Они обладают удивительными способностями влиять на психосоматическую активность человеческого мозга.

Маркус выпрямился в кресле и, указав пальцем на парящее в воздухе устройство, сказал:

— О произошедшем на челноке я ничего не знаю.

Брана, как будто ожидавшая этого вопроса, тут же принялась объяснять:

— Вся информация о происшествии на челноке логистической корпорации Олафа Леприко передана для анализа и находится в моём распоряжении. Могу ознакомить сразу после беседы.

— Хорошо, — Маркус снял фуражку и, положив её на стол, вновь откинулся на спинку стула.

— Сопоставив все имеющиеся данные, — продолжил помощник Вжентя, — мы с Зайтом пришли к выводу о необходимости проведения практического эксперимента с одним или несколькими артефактами. Мы сможем визуализировать происходящее во время активации цилиндра и провести дополнительные действия для установления конечной точки, с которой в тот момент будет связан портал артефакта.

Маркус сдвинул брови:

— Хотите забросить в него маячок?

— Bravo, генеральный дознаватель, — крайне спокойно подтвердил догадку Маркуса помощник Вжентя.

— И уже имеется план проведения такого эксперимента?

— Конечно.

— Зайт подтверждает, что приготовления начнутся с завтрашнего дня, — добавила Брана.

— Это значит, — Маркус старательно выстраивал логическую цепочку, — что для проведения эксперимента уже и добровольцы имеются?

— Несомненно, — подтвердил помощник Вженя. — В этом вопросе нам великодушно окажет помощь самолично духовный лидер, стоящий прямо перед вами.

— Ну не я лично, — тут же заговорил Вжень, заметив неподдельное удивление на лице Маркуса. — В моей церкви найдётся немало последователей, готовых ради нашей праматери Тиамат не только участвовать в эксперименте, но и при необходимости пожертвовать своей жизнью. Любая из женщин посчитает это своим высшим предназначением.

Удивление Маркуса переросло в яростное недовольство.

— Вы в своём уме? — зло сказал он. — Никаких жертв. Это нарушает Конституционный Закон.

За Вженя сразу же вступился его помощник, пытаясь смягчить недоразумение.

— Густаво слишком красноречив и выдаёт желаемое за действительное. Нарушать закон, естественно, никто не собирается. И ваше личное присутствие на эксперименте будет тому гарантом. Для этой договорённости, в принципе, мы и встретились.

— Прошу впредь выражаться более корректно, без религиозной напыщенности, — успокаиваясь, предупредил Маркус.

— Мои слова всего лишь выражают любовь к божественной Тиамат, — мягко и с улыбкой ответил Густаво, пристально глядя Маркусу в глаза.

На этот раз у дознавателя хватило выдержки, чтобы про-

молчать.

— Озвучьте сроки и место проведения эксперимента, — попросила Брана.

Маркус догадался, что его помощница, хоть и являлась всего лишь набором изысканных алгоритмов и объёмных программ, всё же поняла, что необходимо срочно разрядить атмосферу.

— Конечно, — впервые за время переговоров в кабинете зазвучал голос Зайта. — Проведение эксперимента планируется через семь дней, когда на лунную базу прибудет челнок с Европы. Уже ведутся работы по освобождению транспортно-сырьевого ангара там же на Луне. Планируется провести эксперимент в два этапа: с артефактом, прибывшим со спутника Юпитера, и с тем, что сейчас находится в хранилище вашего ведомства, Маркус.

Маркус ни разу за время службы не сталкивался с виртуальным образом Зайта. Сейчас генеральному дознавателю он представлялся мужчиной лет пятидесяти пяти с седой головой и пронизательным взглядом тёмно-кофейных глаз.

— Необходимые разрешения выданы, — встала Брана.

— Значит, у нас есть неделя, — задумчиво уточнил Маркус.

— Точно так, — ответил Зайт. — Достаточно времени, чтобы полностью ознакомиться со всей имеющейся информацией; произвести, возможно, какие-то дополнительные вычисления; людям подготовиться психологически. —

Кого именно имел в виду Зайт, было понятно. — Согласитесь, одно дело видеть происходящее на медиапанели, и совсем другое — вживую, на расстоянии нескольких метров.

— М-да, — согласился Маркус, — думаю, с этим не поспоришь.

— Лично я готов на любые испытания, — бодро заявил Густаво. — Моим духом и помыслами движет великая богиня.

— Это прекрасно, — неожиданно отреагировал Зайт. — Но всё же человеческой осторожностью пренебрегать не стоит.

— Согласна, — добавила Брана.

Маркус молча кивнул.

— И ещё об одном хотел бы попросить вас лично, уважаемый Густаво, — обратился Зайт непосредственно к представителю праматери Тиамат на Земле.

Вжень едва заметно смутился, но тут же выдал широкую улыбку и ответил:

— Всё что угодно. Чем смогу.

— Эксперимент планируется проводить на Луне не случайно. Туда труднее добраться представителям медиапоток и их шпионской чудо-технике. О других возможных утечках мы с Браной позаботимся. Вам, уважаемый Густаво, необходимо всего лишь сохранить до поры до времени в секрете как сам эксперимент, так и его результат. Поверьте, это в интересах всей Земли.

— Без сомнений, — покорно, но продолжая улыбаться, ответил Вжень. — Я и моя паства, если того требует вера, достаточно немногословны. А если нужно, то и вовсе немы. Про своего помощника, думаю, вам объяснять не стоит.

Густаво подмигнул в пространство кабинета, понимая, что Зайт с Браной прекрасно фиксируют его мимику.

— Думаю, это всё, — подвёл черту Зайт. — Формальности обговорены. Хорошего дня всем присутствующим и до встречи на Луне через неделю, на площадке эксперимента.

Маркус знал, что Зайт прощается только с ним и с Густаво. Они являлись теми самыми присутствующими. С Браной у Зайта теперь налажена связь напрямую. Ведомства начали плотную совместную работу. А вот был ли допущен к этому диалогу помощник Вженя, вопрос оставался открытым.

— До встречи, — сказал Маркус, глядя на Густаво.

— Рад был личному знакомству, — вяло ответил тот. Улыбка на его лице превратилась в надменную ухмылку. Проекция цилиндра пропала, а устройство в виде значка вернулось на лацкан пиджака.

Пастырь-щёголь эффектно развернулся на каблуках и, плавно вышагивая, покинул кабинет.

С уходом Вженя Маркус сразу почувствовал, как спина расслабилась. Стало понятно, отчего он ощущал лёгкий дискомфорт.

— Надеюсь, Брана, ты сможешь объяснить, для чего в этом проекте Зайту потребовался этот выпендрёжник?

— Естественно, — голос Браны звучал мягко. — Но для начала предлагаю переместиться к тебе домой. Там я смогу дать не только объяснение выбору Зайта, но и озвучить дополнительную информацию для подготовки к участию в эксперименте.

Мысль Маркусу понравилась. Будет время переварить впечатления от встречи с этим клоуном и привести психику в порядок под расслабляющую музыку в салоне транспорта.

— Поехали, — поднимаясь из-за стола и надевая фуражку, произнёс на выдохе Маркус.

Оказавшись дома, Маркус, не сняв форменный костюм, прошагал в комнату отдыха и уселся на широкий диван, выполненный по индивидуальному заказу в ретростиле. Фуражку устало бросил рядом с собой. Поднявшись до ранга генерального дознавателя, он не проявлял видимых признаков радости, тем более что вместе с этим пришло поручение ответственного и необычного задания. Даже когда откинулся на диванную подушку, в его позе читалась внутренняя напряжённость. Поездка в транспорте под релаксирующую музыку не пошла на пользу.

— Предлагаешь продолжить работу здесь, в комнате отдыха? — спросила Брана.

— Хорошая идея, — задумчиво ответил Маркус. — Хотя бы первое время, пока буду привыкать к своему новому назначению.

— Когда начнём? — поинтересовалась Брана. — Может, доставить сюда лёгкий обед, горячий или энергетический напиток?

— Потом, — не двигаясь, сказал Маркус. — Расскажи мне наконец, почему Зайту пришлось привлечь в этот проект такую мутную фигуру, как Густаво Вжень?

— Дело в том, что Густаво Вжень первый ухватился за кончик нити и определил связь между пустотелым артефак-

том и океаном Европы.

Такого поворота Маркус никак не ожидал. Он перевалился с подушки на подлокотник и спросил:

— Вжень знал об артефакте ещё до того, как произошло преступление Полякова и вещественное доказательство оказалось в нашем хранилище?

— Верно. Он первым обнаружил точно такой же артефакт в Национальном африканском историческом музее. Сейчас всё объясню по порядку. — Брана развернула лазерную проекционную панель перед диваном на уровне глаз Маркуса. На проекции высветилось улыбчивое лицо Густаво Вjenja с текстовым столбиком справа. — Лидер и наставник так называемой церкви Озарённых Милостью Тиамат. Адепты этого религиозного движения верят, что главным божеством во Вселенной является древнейшая праматерь бытия и всего сущего — Тиамат. По представлениям древних она олицетворяла первобытный океан-хаос солёных вод, из которого родилось всё, в том числе и все последующие боги. Изображали Тиамат не только в женском образе, но и в виде дракона или гидры с семью головами. В шумеро-аккадском эпосе «Энума элиш» говорится, что народившиеся боги вступили с Тиамат в борьбу, а убивший её Мардук создал из поверженной богини небо и землю.

— Древняя космогония, — усмехнулся Маркус.

— Пожалуй, первая из известных, — согласилась Брана.

— На этом и выстраивается логика вероучения Густаво Вже-

ня — самая древняя, значит, самая верная.

— Спорная логика, — скривился Маркус.

— Не нужно забывать, что паства Вжень насчитывает около двенадцати миллионов человек по всему миру. У них есть общины даже на Луне и Марсе. Этот факт говорит сам за себя: раз люди идут за Густаво, значит, логика работает.

— А с этим не поспоришь, — мотнул головой Маркус. — Я уже догадываюсь, куда дует ветер твоего рассказа. — Он слегка прищурился. — Вжень, как истинный духовный лидер уверовавшего стада, не только усиленно проповедовал, призывая к божественной логике, но и, видимо, также усердно вёл изыскательскую работу по музеям всего мира. И в конце концов наткнулся на тот самый артефакт, запря-танный в африканском музее. Потом до него каким-то образом дошла информация о нашем цилиндре. А последним увесистым кирпичом в архитектуре его поисков, скорее всего, оказалась новость об ещё одном подобном артефакте, летящем сейчас на челноке на лунную логистическую базу. Теперь не трудно догадаться, что все три упомянутых предмета связаны между собой общим происхождением и единым принципом работы. Я прав, Брана?

— Снова убеждаюсь в правильности вашего назначения на это задание, генеральный дознаватель Маркус Гуссен. — В голосе Браны слышались весёлые нотки. — Верно. Самая первая информация, с которой столкнулся Вжень, была об африканском артефакте. В некоторых новостных ме-

диапотоках упомянули о случае с сотрудницей музея, которая якобы чуть не стала жертвой необъяснимых проявлений со стороны одного из экспонатов, готовящихся к публичному показу. Его собирались выставлять в зале с красноречивым названием «Артефакты древних цивилизаций. Секреты пустыни». И Вжениа заинтересовал не сам цилиндр, найденный в песках Африки, а тот инцидент, который произошёл с женщиной-археологом, штатным научным работником музея. Густаво связался с ней и в личной беседе убедился, что информация не вымысел журналистов, не бред сумасшедшей. По взгляду, речи и мимике он понял, что женщина не лгунья и говорит правду. Просто очень напугана тем, что с ней случилось.

— Интересно. — Маркус снова откинулся на подушку дивана. — Если она видела то же, что и Парис Поляков, вот бы иметь тому хоть какие-то подтверждения.

— Они есть, — достаточно буднично сказала Брана.

От удивления Маркус чуть не встал с дивана:

— Есть запись разговора Густаво Вжениа с сотрудницей музея?

— Густаво сделал запись незаконно, без согласия собеседницы.

— Очень жаль. — Маркус ударил ладонью по дивану, отчего лежавшая рядом фуражка подпрыгнула. — Это значит, что мы не сможем его посмотреть.

— Исходя из расширенных полномочий генерального до-

знавателя, он может использовать любые материалы дознания, добытые тем или иным способом, — тут же пояснила Брана. — Пункт тринадцать дробь восемь.

На проекции поверх лица Вженя появилась выдержка из списка, предъявленного Маркусу некоторое время назад в служебном кабинете.

— Хорошо, — на лице Маркуса промелькнула вымученная улыбка, — давай посмотрим.

— Кроме записи разговора с археологом, которую Густаво передал Зайту, ещё имеется материал, переданный почти в добровольном порядке администрацией музея.

— Видео того, что произошло с женщиной? — с надеждой предположил Маркус.

— Зайт, выяснив, что такое видео имеется, сделал официальный запрос в Комитет Надзора Африканского Содружества.

— И ему отказали, — с ухмылкой продолжил Маркус, прекрасно зная о напряжённых взаимоотношениях между Африканским Содружеством и Азиатско-Европейским Союзом. Африке традиционно хотелось оставаться максимально независимой, что сказывалось даже на обычных межведомственных связях, касающихся культурных или научных вопросов.

— Не совсем отказали. Зайту удалось добиться компромисса. Администрация музея предоставила отдельные последовательные кадры видеозаписи внутреннего наблюдё-

ния.

Маркус понимал, что и в этом случае материал является достаточно ценным.

— Прекрасно. Интервал кадров не очень большой?

— Десять секунд.

— Полагаю, воссоздать непрерывный видеоряд получилось.

— Зайт — непревзойдённый Высоко Интеллектуализированный Помощник.

— Лучше тебя? — с иронией спросил Маркус.

Через микропаузу, видимо, оценивая глубину заданного вопроса, Брана ответила:

— Не лучше, а информационно ёмче. По скорости обработки и вычислениям мы не уступаем друг другу.

На секунду Маркусу показалось, что голос Браны звучит с ноткой вызова. Решив не углубляться в ненужное обсуждение, Маркус сказал:

— Давай смотреть. С чего начнём?

— Соблюдаем хронологическую последовательность. Воссозданный Зайтом видеоряд и затем разговор с археологом. Так будет больше понятна логика беседы.

— Согласен.

На проекции тут же пропало лицо Густаво Вженя и появилось изображение комнаты, предположительно, внутреннего хранилища музея. По понятной причине видео шло без звука, но сейчас это было и не важно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.